С. А. [illegible] Спицынъ

А. А. СПИЦЫНЪ.

РАЗСЕЛЕНІЕ ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ ПЛЕМЕНЪ

ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ДАННЫМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°“, Фонтанка 95.
1899.

А. А. СПИЦЫНЪ.

РАЗСЕЛЕНІЕ ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ ПЛЕМЕНЪ

ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМЪ ДАННЫМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „В. С. Балашевъ и К°", Фонтанка 95.
1899.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, августъ 1899.

Думаемъ, что постепенное накопленіе свѣдѣній о вещественныхъ памятникахъ старины и систематическая обработка ихъ рано или поздно доставятъ весьма существенный матеріалъ для рѣшенія вопросовъ, касающихся даже глубокой древности славянъ, напримѣръ, вопроса о разселеніи ихъ въ древнѣйшую пору, а, быть можетъ, и объ ихъ происхожденіи. Надежда эта основывается на томъ, что во всѣхъ старо-славянскихъ земляхъ во множествѣ разсѣяны памятники древности, чрезвычайно разнообразные въ подробностяхъ, но въ то же время вполнѣ одинаковые по общему типу, именно такъ называемыя поля погребальныхъ урнъ. Они-то и должны дать важный матеріалъ. При сличеніи, погребальныя урны ясно складываются въ группы, объединенныя сходствомъ самыхъ сосудовъ и находимыхъ въ нихъ предметовъ. Новѣйшія изъ этихъ группъ восходятъ приблизительно къ X вѣку, а древнѣйшія теряются въ каменномъ періодѣ. Безъ сомнѣнія, если бы удалось всему обширному матеріалу, представляемому полями погребальныхъ урнъ, дать надежную классификацію по времени и мѣсту, то мы имѣли бы въ немъ превосходное пособіе для самыхъ разнообразныхъ изслѣдованій по исторіи славянскаго племени. Ясно, что такая задача даже неизбѣжна для славистовъ, можетъ быть нѣсколько односторонне сосредоточившихся на филологическихъ изысканіяхъ, но ясно также, что она представляетъ дѣло большой трудности, если судить по тому, что еще никто не рѣшился взять на себя ея исполненіе. Даже никѣмъ не сдѣлано попытки уяснить, какія погребальныя урны можно приписать славянамъ и какія ближе всего считать германскими или, быть можетъ, литовскими; не опредѣлено отношеніе по времени и народностямъ между погребеніемъ урнъ въ поляхъ и въ курганахъ, а также между погребеніями сож-

женныхъ и несожженныхъ труповъ, встрѣчаемыми въ древнѣйшихъ памятникахъ однихъ и тѣхъ же территорій. Основная работа о поляхъ погребальныхъ урнъ, Ундсета [1], представляетъ собою лишь географическій обзоръ распространенія этихъ памятниковъ древности въ германскихъ и славянскихъ областяхъ, безъ группировки ихъ по внутреннему содержанію и съ нѣсколькими поспѣшными выводами, не истекающими изъ матеріала.

Древности русской территоріи не могутъ быть исключены изъ труда, посвященнаго изысканіямъ о древнѣйшихъ судьбахъ славянства, въ особенности же памятники старины западной и юго-западной части Россіи. При существованіи древнѣйшаго географическаго центра славянъ въ Карпатахъ, по крайней мѣрѣ Волынь, Подолія и Кіевъ должны были входить въ разное время въ составъ ихъ исконныхъ земель. Здѣсь должны открыться обильные слѣды ихъ пребыванія и, безъ сомнѣнія, въ томъ же видѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ земляхъ, то-есть въ видѣ тѣхъ же полей погребальныхъ урнъ, представляющихъ не малое разнообразіе въ зависимости отъ того, кѣмъ и когда заселена была извѣстная мѣстность.

Но въ Россіи, странѣ безчисленныхъ кургановъ, интересныхъ и мало изученныхъ, на изслѣдованіе полей погребальныхъ урнъ совершенно еще не обращено вниманія. Все, что мы имѣли въ этомъ отношеніи до послѣдняго времени,—это свѣдѣнія о случайныхъ находкахъ урнъ съ сожженными костями въ немногихъ мѣстностяхъ, занесенныя въ текущую литературу, но никогда не возбуждавшія изысканій; даже нельзя было считать установленнымъ, дѣйствительно-ли у насъ имѣются поля урнъ, подобныя тѣмъ, какія извѣстны въ средней Европѣ. Зато въ послѣдніе 2 — 3 года, благодаря упорнымъ и счастливымъ раскопкамъ г. Хвойки въ Кіевской губ., въ Россіи открылись факты, которымъ, повидимому, суждено имѣть не малое значеніе въ обще-славянской археологической и исторической литературѣ.

Въ 1897 и 1898 г. В. В. Хвойкою открыты были, главнымъ образомъ въ окрестностяхъ с. Триполья Кіевскаго уѣзда, особыя площадки изъ пережженой глины и земли, на которыхъ расположены многочисленные расписные сосуды разной величины и формы, въ цѣломъ видѣ и въ черепкахъ, а также кремневыя подѣлки, камни, ра-

---

[1]) *Undset*, Das erste Auftreten des Eisens in Nord-Europa. Hamburg. 1882.

ковины, грузила, немногія вещи изъ мѣди, зерна пшеницы, кости человѣка и животныхъ, а иногда зола и угли. Площадки эти размѣщаются рядами и бываютъ разнообразной формы — въ видѣ креста, угла, удлиненнаго прямоугольника и пр., размѣровъ отъ 15 × 25 до 44 × 32 арш. Онѣ лежатъ въ спеціальныхъ выемкахъ земли, на глубинѣ до 50 сант., идутъ обыкновенно въ нѣсколько слоевъ толщиною 5 — 10 сант. каждый и по внѣшнему виду, растрескавшись отъ времени (?), напоминаютъ кладку изъ кирпичей. Наибольшее количество сосудовъ помѣщается у с.-з. края площадокъ. Большинство урнъ внѣдрено въ самихъ площадкахъ, причемъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ устроены своего рода ниши, обмазанныя глиной. Ясныхъ слѣдовъ погребеній цѣлыхъ труповъ, повидимому, не отмѣчено, такъ какъ трудно признавать погребеніями найденные на нѣкоторыхъ площадкахъ небольшіе остатки человѣческихъ череповъ. Правда, въ одной изъ площадокъ открыта могильная яма, въ которой лежалъ костякъ въ скорченномъ положеніи, но, кажется, самъ г. Хвойко склоненъ признавать это погребеніе впускнымъ. Такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сосудахъ найдены пережженыя кости, то трудно сомнѣваться, что въ этихъ памятникахъ древности мы встрѣчаемся съ трупосожженіями. Большіе сосуды имѣютъ яйцевидную форму, прямыя днища и весьма часто отверстія безъ всякой каймы, малые имѣютъ видъ разнообразныхъ чашекъ и стопокъ, иногда двойныхъ; есть чашки на короткихъ ножкахъ, какъ древне-греческіе сосуды. Росписью снабжена вся наружная поверхность сосудовъ, а у чашекъ иногда и внутренняя; она состоитъ изъ линій волнистыхъ, спиральныхъ, треугольныхъ, косоугольныхъ, елочками, изъ характерныхъ крупныхъ завитковъ и пр. Цвѣта орнамента — оранжевый, красноватый, бѣлый, сѣрый, темнокрасный, коричневый, черный. Иногда рисунокъ исполненъ углубленными линіями, и тогда онъ обыкновенно заполненъ бѣлою массою. Среди находокъ также интересны довольно необычныя по позамъ глиняныя статуэтки грубой работы. Кромѣ мѣстности раскопокъ г. Хвойки (Веремье и Жуковцы Кіевскаго уѣзда), тѣ же памятники древности въ разное время найдены были въ Кіевской губ. въ самомъ Кіевѣ, въ Грищинцахъ Каневскаго уѣзда, въ Васильковѣ Звенигородскаго, въ с. Крымокъ Чигиринскаго и въ м. Романовкѣ Сквирскаго уѣзда (здѣсь найдена камера изъ необожженнаго краснаго кирпича, въ которой оказались угли, зола, жженыя кости, грузила, нѣсколько сосудовъ и 6 статуэтокъ); найдены они еще въ Криничкахъ

1*

Балтскаго уѣзда, Подольской губ. [1]). На австрійскомъ Подолѣ, гдѣ поля расписныхъ урнъ открыты уже 20 лѣтъ тому назадъ, такіе памятники древности извѣстны болѣе, чѣмъ въ 12 мѣстахъ, главнымъ образомъ между Днѣстромъ и Збручемъ [2]). Особый интересъ имѣютъ для насъ раскопки этихъ „кирпичныхъ" гробницъ въ Бильчѣ Злотомъ Борисовскаго повѣта; здѣсь мы съ полною отчетливостью наблюдаемъ совершенно тотъ же обрядъ погребенія въ урнахъ, какой господствуетъ во всѣхъ древнихъ погребеніяхъ славянскихъ земель и который можно признавать усвоеннымъ славянами и характернымъ для нихъ, именно помѣщеніе остатковъ сожженныхъ тѣлъ въ особыхъ грунтовыхъ камерахъ, въ урнахъ. Расписные сосуды, найденные въ другихъ мѣстностяхъ Днѣстра, а также по Серету и въ Румыніи, нринадлежатъ, быть можетъ, къ тому же типу, какъ кіевскіе и галицкіе; извѣстные силезскіе расписные сосуды, а также найденные въ Босніи, Моравіи, Нижней Австріи и въ Венгріи, повидимому, принадлежатъ другой эпохѣ, имѣютъ другой характеръ, хотя, можетъ быть, происходятъ изъ одного общаго источника, который пока еще невозможно указать [3]). Кіевскіе расписные сосуды въ высокой степени интересны тѣмъ, что формы ихъ и орнаментъ чрезвычайно разпообразны тѣмъ, что сосуды этого типа нигдѣ не найдены въ такомъ обиліи, и тѣмъ еще, что, повидимому, ихъ придется признать древнѣйшими изъ извѣстныхъ. Ихъ изученіе должно лечь въ основу всякаго труда объ этомъ родѣ памятниковъ старины. На русской почвѣ культура расписныхъ сосудовъ является предшественницей эллинской, а, быть можетъ, и скиѳской. Она или одновременна культурѣ кургановъ съ окрашенными костяками, или нѣсколько раньше ея. Если обратиться къ историческимъ именамъ, то естественно назвать имя невровъ, какъ племени, о которомъ ближе всего вспомнить, обсуждая воиросъ, какому народу могли принадлежать днѣпровскіе и днѣстрянскіе расписные сосуды.

---

[1]) Ни здѣсь, ни въ дальнѣйшемъ изложеніи не помѣщаемъ ссылокъ на источники; ихъ можно найдти въ нашихъ обозрѣніяхъ губерній въ археологическомъ отношеніи, помѣщенныхъ въ I, II и IV книгахъ Трудовъ Русск. Отдѣл. Имп. Русск. Археолог. Общ.

[2]) О раскрашенныхъ сосудахъ Моравіи и Нижней Австріи см. у *Palliardi*, Die neolitisch. Ansiedelungen mit bemalter Keramik im Mahren und Niederösterreich въ Mittheil. der prahist. Commis. der Kais. Akad. der Wissensch. B. I, № 4, 237–264.

[3]) Zbiór wiadomosci do antropologii krajowej, т. II, III, VIII, XIV, XV и XVIII.

Въ предѣлахъ Россіи встрѣчаются и другіе памятники старины, имѣющіе близкое отношеніе къ вопросамъ по древнѣйшей исторіи славянъ, именно каменныя кисты съ урнами, заключающими остатки трупосожженій. Такія кисты отмѣчены, правда, еще въ немногихъ мѣстахъ, но въ обширномъ районѣ, а это даетъ увѣренность, что современемъ ихъ найдено будетъ несравненно большее количество. Не говоря о Польшѣ, гдѣ каменныхъ кистъ извѣстно уже много, онѣ обнаружены еще въ Кіевской губ., именно близъ Глинницы, Минейки и Вышевичи по р. Тетереву, въ Волынской губ. въ с. Новомалинѣ Острожскаго уѣзда и въ д. Кременицѣ и въ Минской губ. въ д. Зыковцы Минскаго уѣзда. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ находимы были помѣщенныя въ кистахъ урны съ сожженными костями, болѣе мелкіе сосуды и различныя подѣлки каменнаго вѣка. Такія же кисты найдены еще на Бугѣ противъ Бреста (Костомлоты и Блотково), а также на Наревѣ (Піонтница Сувалкской губ.). Какъ извѣстно, въ наибольшемъ количествѣ каменныя кисты встрѣчаются въ низовьяхъ Вислы, откуда онѣ заходятъ также на Варту и даже на Одеръ. Въ древностяхъ Пруссіи и Польши прослѣживается и переходъ отъ погребенія въ каменныхъ кистахъ къ погребеніямъ въ однихъ урнахъ безъ кистъ, доходящимъ въ этомъ видѣ до времени распространенія въ странѣ христіанства.

Но все это памятники древности той поры, которой едва лишь позволительно коснуться. Здѣсь только что накопляются матеріалы, которыми воспользоваться врядъ ли когда-либо выпадетъ на нашу долю. Археологія выступаетъ болѣе рѣшительно тамъ, гдѣ она можетъ опираться на письменныя свидѣтельства, то-есть въ древностяхъ начиная отъ IX—X вѣка. Съ анализа лѣтописныхъ извѣстій мы и можемъ приступить къ изложенію нашей спеціальной темы.

Достойная удивленія по ширинѣ и опредѣленности картина разселенія древне-русскихъ племенъ, нарисованная Несторомъ, имѣетъ однако существенный недостатокъ—совершенное отсутствіе исторической перспективы. Нашъ лѣтописецъ не знаетъ, въ какой постепенности заселяли эти племена страну, не отмѣчаетъ, какъ они группируются по этнографической близости, какія изъ нихъ наиболѣе сильны и какія слабы. Это лишь каталогъ народовъ, какіе мы встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ географіяхъ и периплахъ, достаточныхъ для цѣлей политическихъ и торговыхъ, но совершенно неудовлетворительныхъ въ отношеніи этнографическомъ. Лѣтопись даетъ простое перечисленіе племенныхъ названій по мѣстностямъ, какъ они установились въ практиче-

скомъ употребленіи у кіевлянъ XI вѣка. Скупость ея по части этнографическихъ подробностей, быть можетъ, объясняется также и тѣмъ, что составлена она въ эпоху единообразнаго политическаго настроенія, когда для наблюдателя изъ центра племенныя мѣстныя отличія не имѣли ни цѣны, ни интереса. Кромѣ того, первоначальная лѣтопись наша знаетъ лишь преданіе о послѣднемъ движеніи славянъ къ Днѣпру, связанное съ именемъ аваровъ и дулѣбовъ и сохранившееся у кіевской Руси; если она и включаетъ въ общую картину разселенія славянъ по Русской землѣ также имена современныхъ сѣверныхъ племенъ, то скорѣе ради единообразія литературнаго пріема. Этотъ недостатокъ историко-этнографической перспективы въ сказаніяхъ лѣтописи и должна попытаться пополнить археологія, вмѣстѣ съ филологіею и антропологіею. На долю этихъ наукъ падаетъ и другая, неизбѣжная задача по отношенію къ разказу Нестора о разселеніи древне-русскихъ племенъ—провѣрить самый перечень племенъ, имъ представленный. Какъ ни цѣнно, какъ ни заслуживаетъ довѣрія свидѣтельство современника, оно всегда должно быть взвѣшено и оцѣнено, прежде чѣмъ имъ пользоваться.

Въ послѣднее время филологія, очевидно, уже начинаетъ чувствовать себя въ силахъ исполнить предстоящую ей задачу. Всего яснѣе выражается это въ осторожныхъ, но огромныхъ трудахъ проф. Соболевскаго и въ смѣлой картинѣ разселенія древне-русскихъ племенъ, нарисованной такъ недавно академикомъ Шахматовымъ. Вполнѣ сознаемъ, что роль археологіи еще впереди. Если филологія чувствуетъ недостаточность наблюденій и фактовъ, то въ еще большей мѣрѣ это примѣнимо къ археологіи, матеріалъ которой добывается съ несравненно большими усиліями: онъ еще незначителенъ, крайне разбросанъ, отрывоченъ, неполонъ. Но все же, повидимому, пришло время собрать воедино то, что уже добыто: быть можетъ, даже простое сличеніе матеріала дастъ нѣкоторые положительные результаты, а кромѣ того, оглянувшись на пройденное, легче будетъ видѣть, куда слѣдуетъ идти далѣе. Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, мы смѣлѣе вводимъ читателя въ несовсѣмъ обычную область, гдѣ господствуетъ своя особая терминологія, особый матеріалъ, особые пріемы изслѣдованія.

Обращаемся прежде всего къ древнѣйшему періоду, памятникамъ IX и X вѣковъ.

Несторъ (и только онъ одинъ) даетъ намъ весьма цѣнное указаніе объ обрядѣ погребенія у русскихъ славянъ въ эпоху образованія

нашего государства: „Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, а посемь творяху краду велику, и възложахуть и на краду, мертвеца сожжаху, и посемь собравше кости вложаху въ судину малу, и поставляху на столпѣ на путехъ“. Повидимому, лѣтопись усвояетъ такой обрядъ погребенія всѣмъ безъ различія русскимъ племенамъ языческой поры. Уже это одно говоритъ не въ пользу точности приведеннаго извѣстія. Другія подробности его еще болѣе усиливаютъ недоумѣніе. Слово „столпъ“ нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ погребенія на деревянномъ столбѣ или въ немъ (напримѣръ, въ нишѣ) не имѣютъ нигдѣ аналогій и невозможны, а каменныхъ столбовъ совершенно неизвѣстно. Въ сосудцы „малые“ прахъ никогда не былъ собираемъ; напротивъ, сожженныя кости всегда помѣщались въ сосудахъ большихъ размѣровъ, а малые ставились при нихъ съ пищей и питьемъ. Поставленіе сосудовъ „на путехъ“ очень вѣроятно, такъ какъ пути какъ разъ соединяютъ всегда самыя удобныя и живописныя мѣста, естественно избираемыя и какъ мѣста погребенія, но возводить устройство кладбищъ на дорогахъ въ общее правило врядъ ли у кого-либо входило въ намѣренія. Очевидно, что въ XI вѣкѣ преданія о старомъ обрядѣ погребенія у русскихъ племенъ сохранялись уже весьма неточныя, и изъ приведеннаго разказа лѣтописи можно принять лишь самое существенное, именно указаніе, что русскія племена въ періодъ до призванія варяговъ и до принятія христіанства подвергали своихъ покойниковъ сожженію, причемъ прахъ ихъ былъ собираемъ въ урны, а урны помѣщались въ особыхъ мѣстахъ, сосредоточенно, или разсѣянно. Курганы еще совершенно отсутствуютъ. Въ этомъ видѣ описанный Несторомъ обрядъ погребенія вполнѣ совпадаетъ съ тѣми данными, которыя имѣются о способѣ погребенія въ такъ называемыхъ поляхъ урнъ, характерныхъ для всѣхъ славянскихъ странъ. Такія поля урнъ мы и должны ожидать встрѣтить у древне-русскихъ племенъ, по меньшей мѣрѣ у юго-западныхъ, преданія которыхъ Нестору были доступнѣе.

Несомнѣнные слѣды погребеній въ отдѣльныхъ урнахъ у насъ уже найдены, въ бассейнѣ Днѣпра, но пока въ ограниченномъ количествѣ. Одна урна со жжеными костями найдена въ Кіевѣ близъ Іорданской церкви; такія же урны найдены были на рѣкѣ Тасминѣ въ деревнѣ Рейментаровкѣ Чигиринскаго уѣзда, одна урна найдена на правомъ берегу Роси противъ с. Телѣжинецъ Таращанскаго уѣзда, одна близъ деревни Саверцы Сквирскаго уѣзда, одна близъ г. Канева и еще какая то „пепельница“ открыта была въ давнее время въ Хо-

доровѣ надъ Днѣпромъ (въ Каневскомъ уѣздѣ). Противъ Кіева въ Никольской слободѣ въ песку обнаружены разбитые грубой работы сосуды со жжеными костями внутри, и тутъ же открыты жженые точки. Недалеко отъ Переяславля Полтавской губерніи у села Хоцки открыты 2 урны съ жжеными костями и близъ нихъ найдены каменные, мѣдные и желѣзные наконечники стрѣлъ. На Волыни извѣстна одна только мѣстность, гдѣ была найдена урна, да и то неизвѣстно, того ли погребальнаго обряда, о которомъ мы говоримъ, именно въ деревнѣ Пусто-Иванье близъ Дубна. Урны съ сожженными костями встрѣчены и въ Галиціи, напримѣръ въ Квачалѣ. Въ предѣлахъ юго-западной Руси есть еще мѣстность, гдѣ встрѣчены поля погребальныхъ урнъ, именно теченіе Буга близъ Бреста. Здѣсь въ Костомлотахъ найдены прикрытыя блюдами урны съ сожженнымъ прахомъ, въ которыхъ оказались также различныя металлическія подѣлки. Ближайшими кандидатами на эти урны могли бы быть, на первый взглядъ, западные сосѣди наши, поляки, но въ виду извѣстія Нестора объ обитавшихъ въ этихъ мѣстахъ дулѣбахъ необходимо обождать съ рѣшеніемъ вопроса, кому онѣ могли принадлежать, какъ и урны, найденныя на Наревѣ (Піонтница, Тыцокинъ) и даже сѣвернѣе, въ бассейнѣ рѣки Нѣмана (Черниковизна и Юстиново Сувалкской губ.).

Вотъ и все, что пока извѣстно о существованіи полей погребальныхъ урнъ къ востоку отъ Польши, страны, столь богатой такими полями. Усилія археологовъ и любителей въ будущемъ, несомнѣнно, очень умножатъ эти свѣдѣнія, если на отысканіе погребальныхъ урнъ будетъ обращено достаточно вниманія. Выше Припяти мы не знаемъ ни малѣйшихъ слѣдовъ погребеній докурганнаго періода и не знаемъ, гдѣ ихъ искать. Одно можно утверждать, что, по всей вѣроятности, и здѣсь было въ обычаѣ сожженіе труповъ, если судить по тому, что этотъ обрядъ сохранялся въ данныхъ мѣстностяхъ еще довольно долгое время и съ появленіемъ обычая сооружать курганы.

Слѣдующій у насъ по времени за погребеніемъ въ урнахъ обрядъ погребенія сожженнаго трупа въ курганахъ—господствуетъ въ русскихъ земляхъ въ теченіе всего X вѣка, но появляется онъ ранѣе, быть можетъ, въ половинѣ IX вѣка, въ Новгородской области, на р. Волховѣ. Курганы этой мѣстности вообще имѣютъ большой объемъ. Это настоящіе гиганты въ сравненіи съ позднѣйшими русскими курганными насыпями; крупнѣйшій изъ раскопанныхъ на Волховѣ кургановъ имѣлъ въ вышину около 14 арш., но есть и болѣе высокіе. Это крѣпкія крутобокія насыпи, обыкновенно окруженныя по подошвѣ

крупными камнями, изрѣдка представляющими родъ стѣны или цоколя. Въ основаніи всѣхъ безъ исключенія насыпей примѣтенъ черный слой съ мелкими кусочками угля, и у большинства здѣсь же расположены различныя сооруженія изъ валуновъ и плитъ, въ видѣ кучъ, стѣнокъ, угловъ и небольшихъ помостовъ; вблизи такихъ сооруженій обыкновенно попадаются угли, а иногда сожженныя кости человѣка. Въ разрѣзѣ насыпи на ея срединѣ обыкновенно виденъ слой пепла, идущій куполообразно отъ самаго низа. Обрядъ погребенія—сожженіе внѣ могилы. Остатки сожженныхъ костей помѣщаются въ насыпи, чаще всего недалеко отъ ея вершины, иногда въ глиняномъ сосудѣ; иногда же они оказываются въ срединѣ насыпи или даже въ особой ямкѣ, вырытой въ материкѣ. Въ средней части нѣкоторыхъ высокихъ насыпей, между подошвой ихъ и вершиной, заложены еще другіе помосты и сооруженія изъ камней, съ костями и безъ костей. Находки вещей бываютъ самыя незначительныя. Между грудами камней и въ сосудахъ вмѣстѣ съ сожженными костями попадаются отдѣльныя кости домашнихъ и дикихъ животныхъ. Таковъ общій видъ новгородскихъ сопокъ, распространенныхъ по всѣмъ главнымъ воднымъ путямъ края—Волхову, Ловати, Мстѣ. Безъ сомнѣнія, къ этому же типу принадлежатъ высокіе курганы, извѣстные въ Смоленской губ. (близъ Смоленска), въ Черниговской (Черная могила въ Черниговѣ), въ Кіевѣ (Аскольдова могила) и на Волыни (Искорость). Вещи, найденныя въ сопкахъ, можно относить ко времени не позднѣе X вѣка, но между ними есть такія, которыя приходится опредѣлять IX вѣкомъ, если даже не концомъ VIII вѣка; такова особенно мѣдная бляшка-тройчатка, найденная въ одной изъ волховскихъ сопокъ. Одновременно съ крупными сопками, безъ сомнѣнія, сооружались и курганы средней высоты, начиная отъ 3-хъ аршинъ; съ теченіемъ времени появляются, еще въ X вѣкѣ, курганы малые отъ $1^1/_2$ арш. высотою, которые въ XI вѣкѣ уже преобладаютъ.

Курганы типа новгородскихъ сопокъ являются у насъ не путемъ постепеннаго развитія, а вразъ. Откуда именно—въ этомъ не трудно разобраться. Это курганы самые ранніе изъ числа собственно-русскихъ, распространяются они сперва въ Новгородской области и по своему устройству одинаковы съ курганами скандинавскими—всѣ эти данныя говорятъ ясно и рѣшительно, что наши сѣверныя сопки оставлены отчасти самими норманнами, а главнымъ образомъ новгородцами, перенявшими у норманновъ обычай погребенія въ сопкахъ, какъ не противорѣчащій ихъ религіознымъ взглядамъ. Въ Скандинавіи ближайшую

аналогію новгородскія сопки имѣютъ въ извѣстныхъ курганахъ Одина, Фрея и Тора, раскопанныхъ близъ Упсалы. Изъ нихъ курганъ Тора имѣлъ въ вышину до 5 саженъ. Въ центрѣ основанія его помѣщалась куча камней, прикрывавшая сожженныя кости человѣка и животныхъ, и подобная же находилась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ центра. Въ насыпи была примѣтна темная прослойка, идущая куполообразно, а ближе къ вершинѣ оказалось еще нѣсколько камней, со слѣдами при нихъ угля. Въ курганѣ Одина сожженныя кости сложены были въ урну, помѣщенную въ грунтовой ямѣ. Найденныя въ упсальскихъ курганахъ вещи говорятъ за время, предшествующее новгородскимъ сопкамъ [1]). Въ курганѣ, раскопанномъ близъ Мёклебюста и имѣвшемъ въ вышину около 2-хъ саженъ, сожженныя кости помѣщены были также въ грунтовой ямѣ; въ основаніи насыпи находились остатки кострища, а самый курганъ обнесенъ былъ рвомъ съ перемычками. Этотъ курганъ по времени, повидимому, уже прямо соотвѣтствуетъ древнѣйшимъ новгородскомъ сопкамъ [2]).

Естественно думать, что съ водвореніемъ въ русской землѣ норманновъ въ качествѣ правящаго класса курганный обрядъ погребенія дѣлается здѣсь покровительствуемымъ, послѣ господствующимъ и наконецъ государственнымъ. Принятіе христіанства, соединенное съ полнымъ и общимъ признаніемъ Рюриковичей, нисколько не помѣшало дальнѣйшему усвоенію и развитію обычая сооружать погребальные курганы. Христіанство и курганы идутъ у насъ рука объ руку.

Принимая это положеніе, археологъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ показать всю постепенность дальнѣйшаго перехода на русской почвѣ отъ одного типа курганныхъ насыпей къ другимъ, и отъ этихъ къ слѣдующимъ, пока онѣ совершенно здѣсь не исчезаютъ, вырождаясь въ общій типъ христіанскихъ погребеній. Только въ такомъ случаѣ предположеніе это можетъ составить прочное достояніе науки. Къ сожалѣнію, при недостаткѣ изслѣдованій мы пока лишены возможности указать эти переходы. Правда, представляется несомнѣннымъ, что древнѣйшіе курганы появляются въ сѣверно-русскихъ областяхъ, послѣ они переходятъ въ восточныя и, наконецъ, въ юго-западныя земли, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя считать вполнѣ доказаннымъ, что исход-

[1]) Kongl. Vitterh. Hist. och Antiqv. Akad. Månadsblad. IV, стр. 250—260.

[2]) См. въ интересной статьѣ г. *Щепкина*, Скандинавскій обрядъ погребенія съ кораблемъ, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894, 9.— Скандинавскіе курганы происходятъ, безъ сомнѣнія, отъ кургановъ сѣверной Германіи.

нымъ пунктомъ распространенія кургановъ во всѣхъ областяхъ послужили именно новгородскія сопки. Во-первыхъ, курганы болѣе ранняго времени, чѣмъ въ русскихъ земляхъ, извѣстны на ихъ западной окраинѣ, въ бассейнѣ р. Нѣмана; эти курганы заключаютъ въ себѣ также остатки сожженныхъ труповъ, также кругомъ основанія имѣютъ рвы и вѣнцы изъ камней [1]). Во-вторыхъ, древніе курганы съ сожженіемъ имѣются также въ Галиціи, и врядъ-ли они возникаютъ здѣсь подъ вліяніемъ норманновъ, какъ и связанные съ ними курганы другихъ славянскихъ земель, напримѣръ Чехіи. Въ связи съ галицкими курганами находятся, по всей вѣроятности, и курганныя насыпи ранней поры, расположенныя между Бугомъ и Вислою, происхожденіе которыхъ тоже врядъ-ли можетъ быть объяснено русскимъ, южнымъ или сѣвернымъ вліяніемъ. Есть и еще какіе-то давніе курганы съ сожженіемъ по р. Угрѣ въ Калужской губ., которые также нельзя рѣшиться положить въ число развившихся подъ норманскимъ вліяніемъ. Наконецъ, въ области кривичей имѣются совершенно особые древніе курганы въ видѣ валовъ, неизвѣстные, насколько мы знаемъ, въ Скандинавіи.

Оставляя до будущихъ изысканій столь осложненный вопросъ о происхожденіи курганнаго погребальнаго обычая въ отдѣльныхъ концахъ русскихъ земель, приступаемъ къ изложенію имѣющихся свѣдѣній о нашихъ курганахъ X вѣка, по областямъ.

Въ Новгородской области сопки описаннаго типа, а также курганы съ сожженіемъ меньшей величины изслѣдованы въ слѣдующихъ мѣстностяхъ, составляющихъ какъ-бы особые географическіе раіоны: въ низовьяхъ Волхова (Ладога, Архангельскій погостъ), въ низовьяхъ Ловати (раскопки Л. К. Ивановскаго), окрестности озера Самро въ Петербургской губ. (погосты Доложскій, Лосицкій и Горнечное), въ верховьяхъ Мсты въ Боровичскомъ уѣздѣ (Юрьева, Гридино, Рыкачево, Горки, Любинецъ и пр.) и, наконецъ, въ Бѣжецкомъ верхѣ (Маслово, Абакумово, Городище, Залужье, Боженки, Бѣжецкъ). всего 5 раіоновъ.

Древнѣйшими курганами въ странѣ кривичей, общими для кривичей полоцкихъ, смоленскихъ и псковскихъ, являются курганныя насыпи въ видѣ валовъ, имѣющихъ въ длину иногда до десятка саженъ. У псковичей такіе курганы извѣстны въ Гдовѣ, близъ Пскова

[1]) *Спицынъ*, Предполагаемые литовскіе курганы VIII—IX вѣка. Труды Русск. отдѣл. Императ. Русск. Археолог. Общества, кн. I, 103—114.

(Логасовичи) и Опочки, у полочанъ близъ Себежа, Сѣнно и въ Борисовскомъ уѣздѣ, у смоленскихъ кривичей главнымъ образомъ въ Смоленскомъ и Духовщинскомъ уѣздахъ (Лопино, Арефино, Городокъ, Мядынь, Хотынь, Ярцева. Дрокова), а также въ Бѣльскомъ; какъ на самый окраинный курганъ этого типа можемъ указать на насыпь въ видѣ вала, расположенную близъ с. Извѣдова на самыхъ верховьяхъ Волги въ Осташковскомъ уѣздѣ. Кажется, что смоленскіе длинные курганы вообще короче, чѣмъ полоцкіе. Есть указанія, что полоцкіе длинные курганы заключаютъ рядъ погребальныхъ урнъ съ сожженными костями, помѣщенныхъ въ верхней части насыпи; смоленскіе курганы этого типа заключаютъ, кажется, въ одномъ концѣ кострище, а въ другомъ сожженныя кости; однако до опубликованія результатовъ произведенныхъ въ нихъ раскопокъ мы лишены возможности имѣть точное сужденіе о наблюдаемомъ въ нихъ обрядѣ погребенія. Точно также еще не выдѣлены вещи, найденныя въ этихъ курганахъ, и мы не можемъ составить яснаго представленія объ ихъ типахъ. Если, какъ мы считаемъ за вѣроятное, длиннымъ смоленскимъ курганамъ принадлежатъ желѣзныя удила съ усиками, желѣзныя пряжки старыхъ типовъ, характерныя обоймицы въ видѣ лоточка съ ушкомъ, большой мѣдный бубенчикъ, мѣдная подвѣска въ видѣ колпачка съ пластинчатыми привѣсками, спиральки и синія бусы, то ихъ можно относить къ IX и началу X вѣка, а самую культуру сближать съ древностями предполагаемыхъ литовскихъ кургановъ и отчасти съ древностями Люцинскаго могильника.

Остальные курганы съ сожженіемъ въ странѣ кривичей имѣютъ обыкновенную полушарую форму. Изслѣдованныя близъ погоста Лыбуты псковскія сопки имѣли вышину отъ $3^1/_4$ до $5^1/_2$ арш., то-есть, сравнительно большую. Въ насыпи на высотѣ $^2/_3$ отъ подошвы найдены были кострища или, вѣрнѣе, остатки кострищъ съ сожженными костями, среди которыхъ попадались различные, попорченные огнемъ, предметы (черепки сосудовъ съ волнистымъ орнаментомъ, мѣдныя спиральки, желѣзныя пряжки, бусы, бляшки отъ поясного набора, желѣзныя обоймицы съ ушкомъ на концѣ и пр.). Близъ одного изъ кургановъ найденъ самый очагъ, на которомъ производилось сожженіе труповъ. Онъ состоялъ изъ круглаго булыжнаго помоста до 2 арш. въ діаметрѣ. Камни помоста оказались перекаленными, а между ними найдены мѣдные слитки, обломки перегорѣвшихъ желѣзныхъ вещей и мелкіе черепки отъ сосудовъ. Въ самомъ большомъ изъ кургановъ трупъ сожженъ былъ въ насыпи, также на высотѣ $^2/_3$ отъ основанія, въ особомъ деревянномъ домовищѣ, составленномъ изъ березовыхъ плахъ.

На одномъ изъ кострищъ оказались поврежденныя кости коня. Вещи, найденныя какъ въ описанныхъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ псковскихъ курганахъ, принадлежатъ къ типамъ Люцинскаго могильника. Про окрестности Пскова можно сказать, что обычай погребенія въ курганахъ здѣсь существовалъ, кажется, недолгое время, такъ какъ въ XI вѣкѣ въ этой мѣстности уже появляются жальники.

Въ землѣ полоцкихъ кривичей наибольшее количество кургановъ съ сожженіемъ найдено между верховьями Березины и ближайшею частью Западной Двины, въ Лепельскомъ и Сѣннинскомъ уѣздахъ. Большинство лепельскихъ кургановъ въ основаніи окружены рвами. Сожженіе въ нихъ совершается на мѣстѣ, въ насыпи, какъ въ псковскихъ курганахъ; съ послѣдними они, повидимому, общи и по составу находокъ. Въ нѣкоторыхъ лепельскихъ курганахъ, какъ и въ сѣннинскихъ, сожженныя кости помѣщены почти на самомъ верху насыпей. Вѣроятно, полоцкимъ кривичамъ принадлежатъ и курганы съ сожженіемъ, изслѣдованные въ Себежскомъ уѣздѣ, на границѣ съ Псковскою губ. (Чернея, Шапелево, Грицково). Сожженіе произведено или внѣ кургана, или въ курганѣ, на его основаніи; въ первомъ случаѣ сожженныя кости всего чаще помѣщаются близъ вершины насыпей, а въ второмъ онѣ сгруживаются въ одну кучку на кострищѣ и прикрываются сосудомъ. Въ основаніи одного изъ кургановъ оказался выложенный камнемъ очагъ, засыпанный золой и углемъ, какъ описанная выше площадка у кургана Лыбутскаго пог. Вещей найдено очень мало, и онѣ всѣ принадлежатъ къ типамъ Люцинскаго могильника. Въ одномъ изъ сѣннинскихъ кургановъ найденъ диргемъ 914 г., безъ ушка и отверстія. По всей вѣроятности, полоцкимъ кривичамъ слѣдуетъ приписать также курганы съ сожженіемъ, изслѣдованные по лѣвую сторону Двины въ окрестностяхъ города Браславля, основаннаго въ началѣ XI вѣка (имѣніе Бельмонтъ, Опса, Довборы, Богинъ, Браславъ Ковенской и отчасти Виленской губерніи). Здѣшніе курганы вообще не высоки, сожженныя кости помѣщены на поверхности материка или въ насыпяхъ, въ серединѣ или на верху ихъ, въ основаніи почти всѣхъ кургановъ рвы. Основаніе одного кургана занято было площадкою изъ камней. Нѣкоторыя насыпи имѣютъ форму продолговатаго четыреугольника и тѣмъ напоминаютъ смоленскіе продолговатые курганы. Большинство найденныхъ предметовъ представляетъ люцинскіе типы [1]).

[1]) Найденные близъ браславскихъ кургановъ земляные валы въ видѣ круглыхъ колецъ не есть ли также мѣстное видоизмѣненіе кургановъ?

Въ землѣ смоленскихъ кривичей курганы X вѣка съ сожженіемъ прекрасно представлены огромною группою, расположенною при д. Гнѣздово, на мѣстѣ стараго Смоленска. Большинство гнѣздовскихъ курганныхъ насыпей имѣютъ небольшіе размѣры, но между ними есть также и насыпи значительной вышины. Сожженіе совершается и въ курганахъ, и внѣ ихъ. На кострищахъ иногда встрѣчаются группы камней или отдѣльные большіе камни, роль которыхъ еще не выяснена; быть можетъ, на нихъ опирался трупъ при сожженіи, такъ какъ есть основанія предполагать, что въ нѣкоторыхъ русскихъ мѣстностяхъ, хотя, вѣроятно, и не всегда, покойники сожигались въ сидячемъ положеніи, какъ знатный руссъ Ибнъ-Фадлана въ Болгарахъ. Остатки отъ трупа, сожженнаго на сторонѣ, помѣщаемы были въ глиняномъ сосудѣ въ нижней или верхней части насыпи. Самый крупный курганъ изъ изслѣдованныхъ въ гнѣздовской группѣ имѣлъ 14 арш. вышины; въ немъ было найдено много интересныхъ вещей, лежавшихъ на особой каменной площадкѣ, на половинѣ высоты насыпи. Раскопки кургановъ въ Гнѣздовѣ дали весьма значительную и интересную коллекцію находокъ. Любопытно то, что среди нихъ вовсе не найдено предметовъ Люцинскаго могильника; всѣ вещи относятся къ болѣе позднему времени и совершенно другимъ культурамъ. Первое мѣсто между ними занимаютъ предметы такъ называемыхъ скандинавскихъ типовъ: характерные мечи, разнообразныхъ формъ мѣдныя фибулы и бляхи съ скандинавскимъ узоромъ, пряжки и пр. На второмъ мѣстѣ стоятъ вещи, по всей вѣроятности, восточнаго происхожденія, главнымъ образомъ узорчатыя поясныя бляшки, а на третьемъ—неопредѣленнаго еще происхожденія серебряныя лунницы и бляхи съ зерневымъ орнаментомъ. Найдены еще: шлемъ, украшенія щитовъ, наконечники копій и стрѣлъ, желѣзныя и мѣдныя шейныя гривны, стеклянныя бусы, браслеты, перстни, оковка рога, игральныя косточки, вѣсовыя гирьки, гребни и пр. Въ числѣ особенныхъ предметовъ могутъ быть названы поливная фаянсовая тарелка съ изображеніемъ дракона и мѣдная лампочка въ видѣ женской головки, то и другое восточнаго происхожденія. Изъ костей животныхъ въ курганахъ встрѣчены отдѣльныя кости коня, собаки и птицъ. Гнѣздовскаго типа курганы съ сожженіемъ встрѣчены до сихъ поръ лишь въ западной части Смоленской губерніи, въ Смоленскомъ, Духовщинскомъ и Порѣчскомъ, а отчасти въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Выше отмѣчено, что въ смоленскомъ краѣ имѣются и болѣе древніе курганы, отличающіеся продолговатою формою и заключающіе предметы дру-

гаго типа. Культура гнѣздовскихъ кургановъ отлично характеризуется также составомъ извѣстнаго гнѣздовскаго клада 1868 г. Быть можетъ, къ числу смоленскихъ кургановъ нужно причислить также курганы съ трупосожженіемъ, раскопанные въ Брянскомъ уѣздѣ Орловской губ. на верховьяхъ Десны; по крайней мѣрѣ въ XI вѣкѣ здѣсь сидятъ кривичи.

Если въ руссахъ Ибнъ-Фадлана видѣть дѣйствительно русскихъ, то для оставленныхъ ими въ Болгарахъ кургановъ аналогію ближе всего искать въ курганахъ смоленскихъ, уже просто потому, что Смоленскъ былъ ближайшій къ Болгарамъ русскій торговый центръ. Въ самомъ дѣлѣ, немногочисленныя вещи, найденныя въ тѣхъ казанскихъ курганахъ, которые можно признавать принадлежащими руссамъ [1]), примыкаютъ ближайшимъ образомъ къ древностямъ Западной Двины (скандинавскій мечъ и гвоздевидныя украшенія пояса). Впрочемъ, подобныхъ предметовъ въ Скандинавіи встрѣчается еще болѣе, чѣмъ у насъ на Двинѣ. Вообще археологія врядъ-ли поможетъ рѣшить спорный вопросъ о народности болгарскихъ руссовъ, такъ какъ спеціально-русскихъ вещей изъ находокъ въ курганахъ X вѣка мы не знаемъ, а, по всей вѣроятности, ихъ вовсе и не было въ эту пору. Одна и та же вещь могла принадлежать и норманну, и русскому. Скорѣе можно допустить, что руссы Ибнъ-Фадлана были норманскіе купцы (быть можетъ, проживавшіе и у насъ), такъ какъ ни въ одномъ изъ раскопанныхъ до сихъ поръ въ Россіи кургановъ не было найдено слѣдовъ того обряда погребенія въ ладьѣ, какой видѣлъ арабъ X вѣка въ Болгарахъ, и какой составляетъ видную особенность кургановъ Скандинавіи [2]).

Въ странѣ сѣверянъ курганы съ сожженіями встрѣчены въ значительномъ количествѣ. Въ Черниговѣ и его окрестностяхъ раскопано было нѣсколько большихъ кургановъ типа новгородскихъ сопокъ. Кострища здѣсь расположены въ основаніи курганныхъ насыпей. Вещи найдены какъ на остаткахъ костра, такъ и въ отдѣльномъ слоѣ, помѣщенномъ въ насыпи, иногда въ сосудѣ. Онѣ очень разнообразны и занимательны. Типы ихъ тѣ же, какъ въ гнѣздовскихъ курганахъ, но подѣлокъ скандинавскаго характера пока здѣсь найдено менѣе, а бляшекъ отъ поясного набора больше. Болѣе простой и рас-

---

[1]) *Штукенбергъ*, Древняя курганная могила около д. Булымеръ.—Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн. при Имп. Каз. Унив. т. X, в. 2, 155—160.

[2]) См. указанную выше статью г. *Щепкина*.

пространенный сѣверянскій обычай погребенія состоитъ въ томъ, что остатки отъ сожженнаго па сторонѣ трупа помѣщаются въ верхней части невысокихъ курганныхъ насыпей. Курганы этого типа раскопаны въ значительномъ количествѣ между Любечемъ и Черниговомъ по обоимъ берегамъ нижняго теченія р. Сейма, отъ Рыльска до устья въ окрестностяхъ Курска, а также въ верховьяхъ Псла и Ворсклы (Сумы, Мирополье и пр.). Въ приднѣпровской части Переяславскаго княженія такихъ кургановъ не найдено, быть можетъ, по недостатку изысканій. Находокъ въ сѣверянскихъ курганахъ этого типа встрѣчено очень мало, и онѣ въ такомъ видѣ, что о типахъ ихъ невозможно имѣть сужденія.

Въ радимичскихъ курганахъ слѣды трупосожженій очень рѣдки. Кострище помѣщается въ основаніи кургана, или же на нѣкоторой высотѣ; сожженныя кости или оставляются нетронутыми на мѣстѣ, или сгруживаются въ одну кучку, или же помѣщаются въ отдѣльномъ слоѣ выше кострища. Такимъ образомъ обрядъ трупосожженія здѣсь не представляетъ никакихъ мѣстныхъ особенностей. Надъ однимъ сожженнымъ трупомъ устроенъ былъ деревянный срубъ изъ крупныхъ бревенъ, какъ въ нѣкоторыхъ курганахъ дреговичей и волынянъ, болѣе позднихъ.

Столь же рѣдко встрѣчаются курганы съ сожженіемъ въ сѣверной части дреговичской земли, но въ Рѣчицкомъ уѣздѣ четвертая часть изслѣдованныхъ курганныхъ насыпей оказалась со слѣдами трупосожженій. Характерныхъ особенностей дреговичскіе курганы X вѣка не имѣютъ. Сожженіе производится на мѣстѣ, въ основаніи насыпи, кости остаются на кострищѣ или же помѣщаются выше, въ насыпи, въ сосудахъ и безъ нихъ.

Повидимому, весьма немногочисленны курганы съ сожженіями и у полянъ. Они отмѣчены близъ Кіева (Созки, Китаева пустынь), ниже по Днѣпру въ Халепьѣ и Ржищевѣ, въ низовьѣ Роси (Яблуневъ), въ верховьѣ Роси (Сквирка) и въ верховьѣ р. Здвижа (Грубскъ); кажется, курганы съ сожженіемъ попадались и въ самомъ Кіевѣ (на Подолѣ). Насколько можно судить по имѣющимся отрывочнымъ даннымъ, въ полянскихъ курганахъ сожженіе производимо было на мѣстѣ, на поверхности материка, а чаще въ насыпи, иногда на особыхъ точкахъ. Однажды сожженныя кости лежали на днѣ довольно глубокой грунтовой ямы, на слоѣ бѣлаго песку. [1]) Въ одномъ изъ

[1]) Курганы съ сожженіемъ въ ямѣ встрѣчены еще въ Галиціи. См. Zbiór wiadom. t. VIII, 49 и сл.

кургановъ съ сожженіемъ при дер. Самгородокъ Сквирскаго у. найденъ былъ цѣлый пластъ глиняныхъ сосудовъ числомъ до 50, заключавшихъ золу, жженыя кости и различныя вещицы; другой курганъ той же группы состоялъ изъ 7 пластовъ изгнившаго дерева и изъ 7 слоевъ золы, угля и жженыхъ костей.

Близъ с. Томашевки Уманскаго у., въ бассейнѣ р. Буга, раскопанъ былъ курганъ, въ основаніи котораго лежали, вверхъ дномъ, 5 сосудовъ изъ желтой глины, наполненные золою; сосуды были обложены сверху камнями. Если это славянскіе курганы, то нельзя ли, основываясь на отличіяхъ наблюдаемаго въ нихъ обряда погребенія, отнести ихъ къ тиверцамъ?

На Волыни кургановъ со слѣдами трупосожженій почти совершенно не найдено; здѣсь они извѣстны лишь изъ раскопокъ близъ Заславля (Остроня, Плужное, Корыстное). Въ Галиціи они есть, хотя также въ небольшомъ количествѣ.

По теченію р. Буга въ окрестностяхъ Дрогичина Гродненской губ. и въ Люблинской губ. (въ Грубешовскомъ, Холмскомъ и Люблинскомъ уѣздахъ) изслѣдованы невысокіе курганы съ сожженіемъ. Въ основаніи насыпей — кострища; въ одномъ изъ кургановъ кострище располагалось на слоѣ камня. Остатки отъ сожженнаго трупа помѣщались въ верхней части насыпей. Вещей въ этихъ курганахъ пока не найдено никакихъ, кромѣ черепковъ. Орнаментъ сосудовъ составленъ или изъ многихъ параллельныхъ линій, или изъ городковъ. Повидимому, такіе же курганы имѣются еще и въ Сѣдлецкой губ. Ихъ естественнѣе всего приписать бужанамъ.

На крайнемъ востокѣ русскихъ земель курганы съ трупосожженіями въ весьма небольшемъ количествѣ были раскопаны въ землѣ вятичей (близъ дер. Голубочки и Городища Бѣлевскаго у.). Трудно допустить, что эти курганы принадлежатъ именно вятичамъ, такъ какъ у нихъ курганный обрядъ погребенія появился позднѣе, вѣроятно, въ концѣ XI вѣка.

Въ Ростовской области, занятой смѣшаннымъ русскимъ населеніемъ, курганы съ сожженіемъ встрѣчаются довольно часто, что прежде всего показываетъ, какъ энергично Ростовъ заселялся уже въ X вѣкѣ. Наиболѣе интенсивно курганы съ сожженіемъ располагаются въ окрестностяхъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ края—Ростова, Переяславля и Ярославля; не мало ихъ и около Суздаля. Ярославскіе курганы X вѣка по находкамъ и обряду погребенія представляютъ полное подобіе гнѣздовскихъ смоленскихъ. Въ основаніи насыпей

обыкновенно помѣщается кострище. Сожженіе чаще ироизводится на мѣстѣ, причемъ остатки костей сгруживаются въ кучку; иногда же они помѣщаются въ насыпи. Устройство кургановъ съ трупосожженіемъ въ тѣсномъ смыслѣ ростовскихъ было, повидимому, такое же, и вещи были, кажется, тѣ же. Такимъ образомъ есть возможность высказать предположеніе что въ X вѣкѣ Ростовская область колонизировалась главнымъ образомъ изъ страны кривичей, а быть можетъ и новгородцевъ, о курганныхъ древностяхъ которыхъ мы, впрочемъ, еще мало знаемъ.

Въ итогѣ представленнаго нами обзора собственно-русскихъ кургановъ съ трупосожженіемъ (X вѣка) получается прежде всего заключеніе, что обычай погребенія въ такихъ курганахъ имѣетъ наибольшее распространеніе въ странѣ сѣверныхъ русскихъ племенъ, новгородцевъ и кривичей съ ростовцами, гдѣ онъ, по всей вѣроятности, и возникъ (надо думать, подъ норманскимъ вліяніемъ). Очень обыкновененъ этотъ обычай также въ странѣ сѣверянъ и бужанъ. Въ другихъ русскихъ земляхъ онъ прививается чрезвычайно туго. Обрядъ трупосожженія единообразенъ во всѣхъ тѣхъ областяхъ, гдѣ онъ былъ принятъ; если онъ и видоизмѣняется нѣсколько по отдѣльнымъ мѣстностямъ, то скорѣе по требованіямъ извѣстнаго времени, чѣмъ въ силу мѣстнаго обособленія. Что касается культурныхъ вліяній, въ сферу которыхъ входили русскія племена данной поры. то выясняется съ иолною очевидностью, что въ теченіе IX и въ началѣ X вѣка сѣверныя племена (новгородцы, всѣ кривичи и ростовцы) пользуются предметами культуры, усвоенной латышскою отраслью литвы (типы Люцинскаго могильника) и имѣющей связи съ предполагаемою культурою собственной литвы VIII — IX вѣковъ, а въ продолженіе остальныхъ десятилѣтій X вѣка — въ обиліи вещами происхожденія скандинавскаго, серебряными иодѣлками съ зернью, еще не опредѣленнаго происхожденія, а также вещами, привозимыми съ востока. Какого-либо самостоятельнаго русскаго искусства въ это время нѣтъ и проблесковъ: все нужное цѣликомъ заимствуется отъ народовъ съ установившимися вкусами. Русь еще мало жила городскою жизнью и въ X вѣкѣ всецѣло поглощена была колонизаторскою дѣятельностью; религіозный бытъ—главный вдохновитель и источникъ искусства—у нея былъ простъ, а съ принятіемъ христіанства все необходимое получалось въ готовомъ видѣ. О культурныхъ движеніяхъ въ области сѣверской руси и бужанъ X вѣка мы пока ничего не знаемъ.

Спеціально для цѣлей нашей статьи отмѣтимъ, что, судя по из-

ложеннымъ археологическимъ даннымъ, въ X вѣкѣ древне-русскія племена являются соединенными въ 2 главныя группы—сѣверную (новгородцы и кривичи) и южную (дреговичи, древляне, поляне); внѣ этихъ группъ стоятъ отдѣльно бужане, сѣверяне и радимичи съ вятичами.

XI вѣкъ есть время всеобщаго распространенія по русскимъ областямъ кургановъ, которые такимъ образомъ служатъ наилучшимъ пособіемъ при опредѣленіи границъ древне-русскихъ племенъ. Еще тѣснѣе, чѣмъ прежде, курганы въ это время соединяются съ христіанствомъ и всюду слѣдуютъ за нимъ. Христіанство, снисходительно относясь къ обряду погребенія въ курганахъ, въ то же время, однако, успѣваетъ совершенно уничтожить обычай трупосожженія, который, по замѣчанію Нестора, остается лишь у язычниковъ-вятичей. Правда, слѣды сожженія мѣстами открываются и въ курганахъ XI вѣка, но это уже исключеніе изъ общаго правила. Мы уже отмѣтили, что въ XI вѣкѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ близъ Пскова и Новгорода, начинаетъ исчезать. или даже совсѣмъ исчезаетъ, самый обычай насыпать курганы, которые на многіе вѣка замѣняются такъ называемыми каменными или жальничными могилами.

Представляемъ перечень виднѣйшихъ особенностей, характерныхъ для собственно-русскихъ кургановъ XI вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ общихъ для курганныхъ насыпей всѣхъ древне-русскихъ областей этого времени.

Исконный славянскій обрядъ трупосожженія въ XI вѣкѣ переходитъ въ простой обычай сожигать на мѣстѣ погребенія костеръ, отъ котораго въ основаніи кургана остается слой золы и угля, иногда очень значительной массивности; чѣмъ ближе къ концу XI вѣка, тѣмъ тоньше становится залегающая въ основаніи курганныхъ насыпей зольная прослойка, переходящая, наконецъ, въ простыя зольныя пятна. Кажется, что обычай сожигать на мѣстѣ погребенія костеръ или, по крайней мѣрѣ, посыпать его золой сохранялся еще въ курганахъ XII вѣка. Даже позднѣе, въ XIII—XIV вѣкахъ зола входитъ въ составъ погребенія, но, быть можетъ, уже въ роли остатковъ отъ поминокъ, такъ какъ мы въ это время видимъ ее посыпанною выше костяка. Вѣроятно, остатками отъ погребальнаго костра объясняются и тѣ зольныя прослойки, въ количествѣ отъ одной до трехъ и болѣе, которыя при раскопкахъ кургановъ даннаго времени нерѣдко обнаруживаются на разной высотѣ насыпей. Въ смоленскихъ курганахъ темныя прослойки иногда пронизываютъ всю насыпь. Прини-

мать зольные курганные слои за остатки поминокъ или тризнищъ мы не рѣшаемся; во всякомъ случаѣ ихъ происхожденіе и значеніе представляютъ еще загадку и требуютъ спеціальнаго вниманія изслѣдователей. Ни на кострищахъ, ни въ зольныхъ прослойкахъ костей животныхъ или другихъ какихъ-либо предметовъ не встрѣчается. Погребальныя урны, столь необходимыя при обрядѣ трупосожженія, сохранившіяся въ качествѣ почти неизбѣжной принадлежности и въ курганахъ X вѣка, сопровождаютъ и погребенія XI вѣка, но служатъ не для собиранія пепла, а ставятся при трупахъ съ пищею или напитками. Послѣднее можно принять не только за возможное, но и за достовѣрное, такъ какъ въ этихъ сосудахъ были находимы птичьи кости, шелуха зеренъ, яйца. Сосуды съ пищею помѣщаются большею частью въ головахъ костяковъ, въ ногахъ же нерѣдко можно встрѣтить остатки деревянныхъ ведерокъ, окованныхъ желѣзными обручами. Погребеніе, какъ и сожженіе, нерѣдко совершалось въ сидячемъ положеніи, причемъ для устойчивости трупъ спиною иногда опирался на спеціально для того сооруженную кладку изъ камней. Однако въ большинствѣ случаевъ покойники лежатъ навзничь, съ протянутыми конечностями, головою на западъ; въ немногихъ отдѣльныхъ случаяхъ, но зато всюду, костякъ оказывается лежащимъ головою на югъ, сѣверъ или востокъ. Такое отступленіе отъ христіанскаго обряда погребенія намъ непонятно, но въ то же время оно врядъ-ли можетъ служить признакомъ погребенія язычника. Въ XI вѣкѣ становится общепринятымъ христіанскій обычай хоронить въ гробахъ, хотя устройство ихъ еще не можетъ считаться выясненнымъ. Кажется, что иногда они представляли собою колоды, а иногда имѣли видъ ящика, сбитаго изъ досокъ или брусьевъ. Высота курганныхъ насыпей устанавливается между $1^1/_2$ и 4 арш., причемъ чаще всего замѣчается, что высокими насыпями прикрываются погребенія мужскія. Всюду наблюдается обычай окружать курганы въ основаніи неглубокими канавками, имѣющими цѣлью, по всей вѣроятности, охранить насыпи отъ сырости и отъ порчи животными. Приблизительно къ концу XI вѣка распространяется обычай погребать трупы въ грунтовыхъ ямахъ—новая уступка христіанскимъ обыкновеніямъ; въ курганахъ XII вѣка этотъ обычай можно считать окончательно установившимся. Къ тому же XII вѣку можно относить замѣчаемое мѣстами, особенно на сѣверѣ, обыкновеніе замѣнять окружный ровъ вѣнцомъ изъ крупныхъ, рѣдко разставленныхъ валуновъ.

Въ составѣ находокъ, встрѣчаемыхъ при раскопкѣ собственно-

русскихъ кургановъ XI вѣка, замѣчается цѣлый рядъ предметовъ общихъ для кургановъ этого времени всѣхъ русскихъ областей. Этотъ общій элементъ мы и должны выдѣлить, прежде чѣмъ приступить къ изложенію отличій, характерныхъ для кургановъ каждаго района въ отдѣльности. Въ этомъ общемъ инвентарѣ курганныхъ находокъ отмѣтимъ изъ бусъ—гранчатыя сердоликовыя трехъ типовъ (квадратныя, продолговатыя прямыя и продолговатыя съ суженными концами), позолоченныя съ каймами по краю, круглыя хрустальныя, желобчатыя посеребреныя и мелкія разноцвѣтныя, изъ подвѣсокъ къ ожерелью—лунницы и нѣсколько типовъ византійскихъ крестиковъ, изъ головныхъ украшеній—трехшипныя кіевскія серьги, изъ нагрудныхъ—пряжки съ спиральными несомкнутыми концами, малые и средней величины бубенчики, подвѣски въ видѣ ложечекъ и собачекъ, изъ поясныхъ украшеній—нѣсколько типовъ пряжекъ и колецъ, изъ браслетовъ—витые въ нѣсколько проволокъ съ петлями на концахъ, витые съ завязанными концами и пластинчатые, изъ перстней—пластинчатые съ тонкими спиральными или завязанными концами и витые, изъ желѣзныхъ вещей—топоры съ широкимъ лезвіемъ, огнива двухъ типовъ, серпы, ножницы, изъ каменныхъ—шиферныя пряслицы, изъ глиняныхъ—сосуды, неизмѣнно съ волнистымъ или частымъ горизонтальнымъ орнаментомъ. Вещи перечисленныхъ типовъ господствуютъ, въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ, и въ курганахъ XII вѣка. Наибольшія отличія замѣтны въ сортиментѣ браслетовъ.

Начиная изложеніе особенностей въ памятникахъ старины XI вѣка каждаго изъ древне-русскихъ племенъ, считаемъ удобнымъ теперь же высказать, что всѣ эти племена по археологическимъ даннымъ въ это время соединяются въ три большія группы: сѣверную, юго-западную и восточную.

Въ группу юго-западную мы включаемъ волынянъ, полянъ и древлянъ на югѣ, дреговичей на сѣверѣ. Курганы XI вѣка южной половины этой группы имѣютъ нѣкоторыя отличія отъ сѣверной.

Курганы древлянъ невысоки и обыкновенно обведены канавками; нѣкоторыя насыпи, въ видѣ исключенія, имѣютъ въ основаніи сплошной кругъ валуновъ. Въ насыпяхъ попадаются отдѣльные черепки, угли и кости домашнихъ животныхъ, но примѣсь эта скорѣе случайна, чѣмъ постоянна. Въ основаніи почти половины раскопанныхъ кургановъ вскрываются остатки кострищъ, слой золы, а иногда подстилка изъ разноцвѣтной глины, окрашеннаго или бѣлаго песка, изъ ила; въ нѣсколькихъ случаяхъ такая подстилка замѣнена была слоемъ

разноцвѣтныхъ камешковъ. Большая половина костяковъ лежитъ въ грунтовыхъ ямахъ, имѣющихъ среднюю глубину до 12 верш., четвертая часть—на материкѣ и шестая—въ насыпи. Скелеты расположены навзничь, головою на З.; всего до 2% костяковъ лежатъ головою на В. Очень развито обыкновеніе помѣщать трупы въ колодахъ или гробовищахъ, сколоченныхъ или заколоченныхъ желѣзными гвоздями. Точно также представляетъ обычное явленіе устройство надъ трупами особыхъ деревянныхъ срубовъ, иногда вѣнчающихся двускатною крышею. У нѣкоторыхъ скелетовъ по бокамъ положены кругляки. Деревянные брусья срубовъ иногда сбиты желѣзными костылями. Находокъ въ древлянскихъ курганахъ попадается крайне мало. и всѣ онѣ почти безъ исключенія принадлежатъ къ типамъ, перечисленнымъ выше въ качествѣ общихъ для русскихъ кургановъ. Малое количество находокъ составляетъ даже одну изъ характернѣйшихъ особенностей данныхъ кургановъ. Большинство головныхъ колецъ имѣетъ видъ небольшихъ колецъ съ сомкнутыми концами; рѣже такія же кольца съ концами, заходящими другъ на друга, и очень рѣдки кольца съ эсовидными завитками. Головныя кольца чаще попадаются въ количествѣ двухъ, но иногда число ихъ доходитъ до 7—8. Большинство серегъ имѣетъ въ верхней части характерный изгибъ подъ угломъ, что, кажется, указываетъ на ихъ сравнительно позднее происхожденіе, напримѣръ. на XII вѣкъ. Изъ бусъ интересны крупныя серебряныя филиграновыя. Цѣлыхъ сосудовъ не встрѣчено; нѣкоторыя днища ихъ оказались съ клеймами. Любопытно, что въ древлянскихъ курганахъ найдено нѣсколько чашъ изъ череповъ. Такъ обрисовываются передъ нами древлянскіе курганы съ погребеніемъ по раскопкамъ, произведеннымъ въ бассейнѣ р. Тетерева и далѣе къ западу до р. Случа. Трудно сомнѣваться, что большинство этихъ кургановъ принадлежитъ XI вѣку, но между ними есть не мало такихъ, которые доведется отнести къ памятникамъ XII вѣка. Къ этому времени можно причислить большинство кургановъ съ погребеніемъ въ грунтовыхъ ямахъ и нѣкоторыя находки, напримѣръ, упомянутыя серьги. Самая бѣдность древлянскихъ кургановъ находками говоритъ, быть можетъ, за ихъ сравнительно позднее происхожденіе. Но выдѣленіе въ этихъ курганахъ элементовъ XI и XII вѣка еще дѣло будущаго. Въ послѣднее время были произведены систематическія раскопки волынскихъ кургановъ далѣе на западъ, между р. Горынью и Стыремъ, и, на сколько намъ извѣстно. курганы этой мѣстности оказались такими же, какъ описанные древлянскіе. Такъ какъ, по край-

ней мѣрѣ. р. Стырь несомнѣнно занята была въ XI—XII вѣкахъ волынянами, то отсюда слѣдуетъ. что по археологическимъ даннымъ волыняне и древляне могутъ считаться единоплеменными. Въ луцкихъ (?) курганахъ была сдѣлана весьма интересная находка—костяная обложка половецкаго колчана, что, быть можетъ, говоритъ приблизительно за XIII вѣкъ того кургапа, гдѣ этотъ колчанъ лежалъ. О курганахъ XI—XII вѣковъ далѣе Луцка мы ничего не знаемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрно извѣстно, что курганы древляно-волынскаго типа существуютъ и въ Галиціи. даже съ тѣми же теремками и съ тою же подстилкою подъ костяками изъ песка.

Въ странѣ полянъ систематическія раскопки кургановъ XI—XII вѣковъ до сихъ поръ были произведены лишь въ мѣстности между берегомъ Днѣпра и нижнимъ теченіемъ Роси (Щучинка близъ Витичева. Занудовка у с. Липовца и берега Россавы). Обнаруженный въ нихъ обрядъ погребенія и вещи указываютъ на полную аналогію полянскихъ кургановъ съ одновременными волынскими и древлянскими, хотя нельзя не сознаться, что малое количество раскопанныхъ кургановъ (57 въ трехъ группахъ) еще не даетъ полнаго основанія къ этому заключенію. Раскопки кургановъ на Роси близъ Пилипче. недалеко отъ впаденія въ Рось Раставицы, дали тѣ же результаты. Въ районѣ перечисленныхъ раскопокъ на низовьяхъ Роси не составляютъ рѣдкости отдѣльныя находки предметовъ курганныхъ типовъ (напримѣръ, Грищинецъ. Ключники. Бобрицы, Тростянецъ, Хмѣльная, Берестняги. не говоря уже о Княжей горѣ). Въ окрестностяхъ Кіева произведены были весьма немногочисленныя раскопки кургановъ XI вѣка (Бѣлгородка, Китаева пустынь, Безрадичи, Триполье), и отчеты объ ихъ изслѣдованіи еще не изданы. Курганы самого Кіева могутъ служить для характеристики полянскаго обряда погребенія лишь при извѣстной осторожности въ пользованіи тѣмъ матеріаломъ, который ими дается, въ виду того. что Кіевъ въ X—XI вѣкахъ былъ заселенъ далеко не одними полянами. Кромѣ того, кіевскіе курганы не могутъ служить для характеристики полянъ XI вѣка уже потому. что извѣстные въ Кіевѣ курганы должны быть отнесены къ X или развѣ лишь къ самому началу XI вѣка. Повидимому, весьма значительная группа такихъ кургановъ расположена была на Подолѣ, въ раіонѣ Іорданской церкви (усадьбы Багрѣева, Зарембскихъ, Зиваля. Марра). Курганы эти уже всѣ сравнялись съ землею и застроены, но при случайныхъ раскопкахъ въ этой мѣстности открытъ уже цѣлый рядъ погребеній. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, между ними встрѣчены и

случаи трупосожженія [1]), но чаще въ нихъ попадаются костяки, головою на западъ. Инвентарь находокъ очень интересенъ, такъ какъ другаго подбора мѣстныхъ вещей X вѣка мы не знаемъ на всемъ пространствѣ юго-западной группы древне-русскихъ племенъ. Сюда входятъ: тонкія головныя или ушныя серьги съ заходящими другъ на друга концами, тѣ же кольца съ напущенными на нихъ круглыми хрустальными или стеклянными бусами (синяго, коричневаго и палеваго цвѣтовъ), весьма разнообразныя и любопытныя серьги, большею частью изъ тонкой филиграни, хрустальныя, янтарныя, сердоликовыя и стекляныя бусы, бусы филигранныя тонкой работы, серебряные кресты, скандинавскія овальныя и круглыя фибулы, стекляные перстни, большіе скандинавскіе мечи, диргемы и византійскія монеты X вѣка и пр. Сравненіе перечисленныхъ типовъ съ находками того же вѣка изъ смоленскихъ кургановъ приводитъ къ любопытному результату: въ кіевскихъ курганахъ совсѣмъ нѣтъ вещей типовъ Люцинскаго могильника, несравненно меньше примѣсь предметовъ скандинавскаго происхожденія и много вещей мѣстныхъ или, быть можетъ, вѣрнѣе—происхожденія западно-славянскаго (таковы особенно подѣлки изъ филиграни). Курганъ съ вещами того же характера, но съ сожженіемъ, раскопанъ былъ еще близъ Кіева въ деревнѣ Совки, причемъ найдены были также желѣзные гвозди, доказательство, что покойникъ сожженъ былъ въ гробу. Трудно допустить, чтобы описанные курганы принадлежали не полянамъ, а какому-нибудь другому племени.

Находки въ Волынской и Кіевской губерніи кладовъ изъ цѣнныхъ вещей прекрасной техники X и XI вѣковъ показываютъ, что и волыняне и древляне въ эту пору были далеко не такъ бѣдны предметами искусства, какъ это можно предполагать по ихъ курганамъ. Обычными предметами въ этихъ кладахъ являются большія серьги, богато украшенныя зернью и филигранью, огромныхъ размѣровъ лунницы, цѣпи, гривны, отчасти плетеныя изъ проволоки, отчасти гладкія съ характерными отгибами на концахъ, и крупныя, покрытыя зернью бусы. Скандинавскій элементъ въ волынскихъ кладахъ, можно сказать, совершенно отсутствуетъ; они почти исключительно состоятъ изъ серебряныхъ зерневыхъ и филигранныхъ подѣлокъ, отечество ко-

---

[1]) Не слѣдуетъ ли на счетъ трупосожженія отнести и ту урну съ жжеными костями, здѣсь же найденную, которую мы выше отнесли къ числу урнъ типа погребальныхъ полей?

торыхъ, какъ было упомянуто выше, все еще остается не угаданнымъ. Его съ одинаковымъ правомъ можно искать и на востокѣ, и на западѣ.

Какъ о мѣстоположеніи, такъ и о древностяхъ уличей и тиверцевъ не имѣемъ никакого понятія. Можетъ быть. имъ принадлежатъ тѣ 6 городовъ въ Подоліи, о которыхъ упоминаетъ Костантинъ Багрянородный. Сидѣли они, по всей вѣроятности, довольно далеко отъ моря, хотя здѣсь у нихъ и были торговые города. Базисомъ для этихъ племенъ, надо думать, были Карпаты, отъ которыхъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ они могли передвигаться и къ морю, пока передвиженіе кочевыхъ народностей не заставляло ихъ опять уйдти ближе къ горамъ. Мѣстоположеніе котораго-нибудь изъ этихъ двухъ племенъ въ X вѣкѣ не опредѣляется ли до нѣкоторой степени находками арабскихъ монетъ? Ихъ мы встрѣчаемъ въ сопредѣльныхъ Гайсинскомъ, Ямпольскомъ и Ольгопольскомъ уѣздахъ Подольской губерніи, между Днѣстромъ и Бугомъ, какъ бы на своего рода островѣ. Ближайшія отсюда мѣстности съ находками диргемовъ—Кіевъ и Польша. Никто въ указанной мѣстности кургановъ еще не изслѣдовалъ.

Сѣверную половину юго-западной группы древне-русскихъ племенъ составляютъ одни дреговичи. Благодаря довольно значительнымъ раскопкамъ, произведеннымъ разными лицами въ Минской губерніи. дреговичскіе курганы XI вѣка извѣстны уже довольно хорошо. Средняя высота ихъ менѣе 2-хъ аршинъ. Особыхъ зольныхъ прослоекъ въ насыпяхъ нѣтъ. Въ бобруйскихъ курганахъ треть костяковъ лежитъ на пепелищахъ (имѣющихъ вообще небольшіе размѣры), въ рѣчицкихъ зольныхъ прослоекъ въ основаніи почти нѣтъ, а въ мозырскихъ ихъ вовсе не найдено. Слѣдовъ какой либо подстилки подъ скелетами въ видѣ песку или глины, повидимому. нигдѣ не оказалось. Погребенія въ насыпи обнаружены лишь въ единичныхъ случаяхъ. Погребенія въ грунтовыхъ ямахъ въ бобруйскихъ курганахъ составляли 12°/₀, въ рѣчицкихъ 15°/₀, въ мозырскихъ 21°/₀ всего числа погребеній [1]). Погребенія въ сидячемъ положеніи не составляютъ исключительной

---

[1]) Изъ сопоставленія изложенныхъ данныхъ, повидимому, слѣдуетъ, что въ описываемыхъ курганахъ съ теченіемъ времени уменьшается количество погребальныхъ кострищъ и увеличивается число погребеній въ ямахъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ и другимъ археологическимъ наблюденіямъ. Такимъ образомъ бобруйскіе курганы (съ обрядомъ погребенія) могутъ быть признаны старѣйшими сравнительно съ рѣчицкими, а особенно съ мозырскими.

рѣдкости. Очень многіе костяки лежатъ въ гробовищахъ, сбитыхъ изъ досокъ или брусьевъ, но рѣдко при помощи желѣзныхъ гвоздей, которыхъ здѣсь находятъ несравненно меньше, чѣмъ въ волынскихъ курганахъ [1]; были находимы и погребенія въ колодахъ. Устройство въ курганныхъ насыпяхъ срубовъ или теремковъ столь же обычно, какъ и въ волынскихъ курганныхъ насыпяхъ. Въ бобруйскихъ курганахъ 10% всѣхъ костяковъ лежали головою на востокъ, и это были почти исключительно мужскіе костяки. У большей части насыпей кругомъ основанія идутъ канавки.

Большинство вещей, находимыхъ въ дреговичскихъ курганахъ, представляютъ типы, встрѣчаемые во всѣхъ собственно-русскихъ курганахъ XI вѣка (серьги съ шипами и узелками, витые, плетеные и пластинчатые перстни, лунницы, бубенчики, крестики, подвѣски, пряслицы, серпы, топоры, сосуды, иногда съ клеймами на днѣ и пр.). Вообще по составу находокъ дреговичскіе курганы ближе всего примыкаютъ къ волынскимъ; въ нихъ встрѣчены даже чашки изъ человѣческихъ череповъ. Отличія между тѣми и другими курганами состоятъ въ томъ, что находки въ дреговичскихъ курганахъ значительно богаче (это, быть можетъ, находится въ связи съ ихъ болѣе раннимъ происхожденіемъ), далѣе въ томъ, что въ нихъ головныя кольца имѣютъ концы обыкновенно заходящими другъ за друга, а не сомкнутыми только, и наконецъ въ томъ, что въ нихъ замѣчается особенное обиліе разнообразныхъ филигранныхъ бусъ.

Курганы дреговичскаго типа XI вѣка пока изслѣдованы въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: между Свислочью и верхнимъ теченіемъ Березины къ сѣверу до Логойска, близъ верховьевъ Виліи (Радошковичи), по всему Новогрудскому краю между Нѣманомъ и Шарою, въ западной половинѣ Полѣсья, по Березинѣ и Днѣпру вверхъ до Орши и Эсьмонъ, на западѣ они мѣстами выходятъ даже на Сожь (Красная Слобода, Корма, Князевка при впаденіи въ Сожь р. Прони). Въ Игуменскомъ, Борисовскомъ и Минскомъ уѣздахъ дреговичскіе курганы видимо смѣшаны съ кривичскими, по Сожи они, вѣроятно, перемѣшаны съ радимичскими.

Итакъ, дреговичскіе курганы представляютъ полное единство въ обрядахъ погребенія (особенно же въ устройствѣ погребальныхъ теремковъ) и въ находкахъ (особенно въ головныхъ кольцахъ и чашахъ

---

[1]) Гвозди попадаются чаще въ мозырскихъ и рѣчицкихъ курганахъ, чѣмъ въ бобруйскихъ.

изъ человѣческихъ череповъ) съ курганами древлянъ и волынянъ и даютъ полное право включить дреговичей въ одну группу съ остальными юго-западными древне-русскими племенами. Несущественныя отличія между дреговичскими и волынскими курганами есть, и это даетъ возможность различать ихъ другъ отъ друга. Волынскіе курганы бѣднѣе вещами, имѣютъ особой разновидности головныя кольца, въ нихъ чаще попадаются гвозди, рѣже устраивается погребальный костеръ, и только въ нихъ встрѣчается подъ костяками цвѣтная подстилка.

Въ сѣверную группу древне-русскихъ племенъ входятъ новгородцы и кривичи, псковскіе, полоцкіе и смоленскіе. Хотя въ обширной странѣ, занимаемой этими племенами, систематическихъ раскопокъ произведено еще далеко недостаточно, всетаки разсмотрѣніе имѣющагося археологическаго матеріала приводитъ насъ къ нѣкоторымъ общимъ заключеніямъ.

Въ смоленскихъ курганахъ XI вѣка большихъ раскопокъ еще не было произведено, но изслѣдованій отрывочныхъ мы имѣемъ довольно много, и исполнены они почти по всему пространству древней смоленской земли. Предоставляя точную характеристику этихъ кургановъ будущему, изложимъ о нихъ то, что можно было собрать.

Курганы смоленскихъ кривичей XI вѣка выдѣляются среди курганныхъ насыпей другихъ мѣстностей нѣсколько большею высотою и своего рода изяществомъ по внѣшнему виду; они вообще хорошо задернованы и рѣдко расплываются. Рвы кругомъ основанія насыпей сравнительно рѣдки, круги изъ камней если и есть, то, кажется, въ исключительныхъ случаяхъ. Характерная особенность насыпей—зольныя прослойки, одна, двѣ или больше. Погребеніе совершается почти исключительно на материкѣ; иногда костяки попадаются въ насыпи, но, кажется, никогда въ ямахъ. Костяки лежатъ головою вообще на западъ, но иногда также на востокъ и даже на сѣверъ и югъ; встрѣчаются погребенія въ сидячемъ положеніи. Слѣдовъ гробовищъ или теремковъ, повидимому, не найдено; вопросъ о томъ, встрѣчаются ли остатки погребальныхъ костровъ, остается открытымъ. Тою же простотою, какъ обрядъ погребенія, отличаются и находимые въ смоленскихъ курганахъ XI вѣка предметы. Большинство ихъ принадлежитъ къ обще-курганнымъ типамъ, но подборъ ихъ какъ-то единообразенъ, особенно подборъ бусъ. Самые характерные предметы—большія височныя кольца двухъ типовъ: въ видѣ тонкаго кольца съ ромбическими щитками и въ видѣ такого же кольца съ завязанными кон-

цами; почти столь же характеренъ выборъ подвѣсокъ къ ожерелью изъ серебристаго сплава въ видѣ ажурныхъ бляшекъ съ изображеніемъ луны, креста, птицъ, звѣря, нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ. Встрѣчены подвѣски въ видѣ кіевскихъ лилій, крестики. въ небольшомъ количествѣ малыя головныя кольца.

Курганы описаннаго типа изслѣдованы въ слѣдующемъ районѣ: отъ Смоленска на сѣверъ до верховьевъ Двины, отсюда на Ржевъ и Зубцовъ, далѣе на верховья р. Москвы (Ст. Руза), отъ нихъ къ верховьямъ Угры (Семлево) и Жиздры (Доброселье, Синьгово) и наконецъ чрезъ Брянскій уѣздъ, Хотимскъ между Десною и Сожью и снова Смоленскъ. Конечно, очерченная линія не можетъ быть принята за точныя границы смоленскихъ кривичей въ XI вѣкѣ; для опредѣленія ея нужны дополнительныя раскопки внѣ этой линіи. Въ верховьяхъ Жиздры и Угры курганы кривичей смѣшиваются съ курганами вятичей. Здѣсь мы находимъ самые поздніе смоленскіе курганы, даже XII вѣка, и между прочимъ встрѣчаемъ погребенія въ грунтовыхъ ямахъ.

Еще менѣе раскопокъ произведено на земляхъ кривичей полоцкихъ и псковскихъ. Однако, по изслѣдованіямъ близъ деревни Дымово Сѣннинскаго уѣзда, а главнымъ образомъ въ Себежскомъ уѣздѣ. особенности полоцкихъ кургановъ XI вѣка выступаютъ въ общихъ чертахъ достаточно ясно. Какъ по обряду погребенія, такъ и по находкамъ курганы эти одинаковы со смоленскими, но они бѣднѣе послѣднихъ предметами, заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя вещи сосѣдней латышской культуры, особенно же головные вѣнчики изъ спиралекъ; височныя кольца имѣютъ типъ смоленскихъ проволочныхъ съ завязанными концами, но они тоньше и размѣръ ихъ меньше. Въ насыпи кургановъ имѣются зольныя прослойки; въ одной мѣстности погребенія оказались на кострищахъ, въ немногихъ случаяхъ найдены остатки гробовъ. Южную границу полоцкихъ кургановъ, повидимому, составляетъ линія городовъ Орши, Сѣнно, Лукомля и Логойска (оршинскіе курганы не принадлежатъ ли смоленскимъ кривичамъ?); западная и сѣверная граница ихъ не опредѣлима (отдѣльные курганы полоцкаго типа найдены въ Рѣчицкомъ, Себежскомъ и Невельскомъ уѣздахъ), восточная проходитъ, повидимому, за Велижемъ. Бѣдныя курганныя находки полоцкаго края прекрасно пополняются находками отдѣльныхъ вещей и кладовъ. На берегахъ озера Усвятъ найдены височныя кольца съ ромбическими щитками смоленскаго типа. Восемь такихъ же колецъ оказалось въ извѣстномъ невельскомъ кладѣ (деревня Шакелево), заключающемъ въ себѣ рядъ лунницъ и

бляхъ, покрытыхъ мелкою зернью, какъ въ гнѣздовскомъ и волынскихъ кладахъ.

Выше было уже отмѣчено, что характерные продолговатые кривичскіе курганы доходятъ на сѣверо-западъ до Пскова. Основываясь на этомъ наблюденіи, можно теоретически предполагать, что псковскіе памятники древности имѣютъ сходство съ полоцкими и въ XI вѣкѣ. Однако, предположеніе это нельзя оставить безъ оговорки, такъ какъ псковскіе курганы, можно сказать, еще не тронуты изслѣдователями. Единственная раскопка, произведенная въ одномъ курганѣ Опочецкаго уѣзда еще въ 1854 г., дала 2 небольшія и тонкія височныя кольца и нѣсколько вещей X—XI вѣка латышскаго типа (головной вѣнчикъ изъ спиралей, браслетъ, пряжки, булавку и пр.).

О новгородскихъ курганахъ XI вѣка мы должны были бы имѣть хорошее понятіе по обширнымъ раскопкамъ, произведеннымъ въ Петергофскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ Петербургской губерніи, но, къ сожалѣнію, отчеты объ этихъ раскопкахъ имѣются слишкомъ недостаточные. По общей характеристикѣ, данной изслѣдователемъ петербургскихъ кургановъ, можно, съ неизбѣжными оговорками, принять, что въ XI вѣкѣ въ курганахъ водской пятины покойники обыкновенно (?) помѣщались на остаткахъ кострища, иногда въ сидячемъ положеніи, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ (?) трупъ спиною опирался на спеціально устроенное въ 2—3 ряда сооруженіе изъ валуновъ; изрѣдка при костякахъ или выше ихъ можно найдти кости домашнихъ животныхъ. Кругомъ основанія насыпей иногда идутъ канавки, а въ большинствѣ случаевъ они окружены вѣнцомъ изъ крупныхъ валуновъ. Въ нѣсколькихъ курганахъ обнаружены надъ скелетами особыя каменныя покрытія; однажды въ такомъ сводѣ помѣщались 2 скелета въ сидячемъ положеніи.

Височныя кольца петербургскихъ кургановъ одинаковы съ найденными въ смоленскихъ, но у проволочныхъ концы не завязаны, а сомкнуты; малыя головныя кольца представляютъ рѣдкость. Остальныя вещи вообще аналогичны съ обще-курганными типами, но между ними есть рядъ подвѣсокъ въ видѣ животныхъ (утки, гуся, коня, собаки), которыя заимствованы отъ какихъ-нибудь финскихъ племенъ. Изъ бусъ характерны мѣдныя, подражающія филиграннымъ южнымъ. изъ подвѣсокъ къ ожерелью—кружки съ плетеньемъ. Встрѣчены кресты и образки. Сравнительная пестрота въ вещахъ изъ петербургскихъ кургановъ XI вѣка объясняется тѣмъ, что въ этихъ курганахъ. по плохому состоянію дневниковъ раскопокъ, трудно отдѣлить вещи XI отъ

предметовъ XII вѣка; по всей вѣроятности, и большинство подвѣсокъ въ видѣ животныхъ должно быть отнесено уже къ XII вѣку

Курганы описаннаго типа раскопаны въ значительномъ количествѣ между Гатчиной и Ямбургомъ и въ меньшемъ числѣ въ южныхъ уѣздахъ Петербургской губ. (Лосицы, Зарѣчье, расположенное почти на Шелони). Извѣстны они и въ Псковскомъ уѣздѣ (Погорѣлки). О древностяхъ XI вѣка этого типа въ Новгородской губ. ничего неизвѣстно. Ихъ или еще не найдено (такъ какъ раскопокъ въ Новгородской губ. также произведено очень мало), или же ихъ надо искать не въ курганахъ, а въ жальникахъ. Въ Тверской губ., именно въ области Бѣжецкаго верха, курганы приблизительно XI вѣка найдены и отчасти изслѣдованы. Впрочемъ, раскопки здѣсь имѣли довольно случайный характеръ, надежныхъ отчетовъ о нихъ не имѣется, самыя находки описаны неопредѣленно, и неизвѣстно, гдѣ онѣ сохраняются, такъ что и отсюда мы имѣемъ пока очень скудный археологическій матеріалъ для даннаго времени. Соединяя въ общую картину все извѣстное, видимъ, что въ бѣжецкихъ курганахъ костяки лежатъ большею частью на поверхности материка, а изрѣдка въ ямахъ, головою на З. или С.; иногда трупы погребены въ сидячемъ положеніи. Въ основаніи насыпей часто имѣется кругъ изъ валуновъ; высота ихъ вообще значительная. Изъ вещей постоянно упоминаются височныя кольца (неизвѣстно, какія), пластинчатые головные вѣнчики, серьги съ филигранными бусами и другихъ типовъ, мѣдныя бусы, лунницы, плетеная гривна съ пластинчатыми концами. Всѣ перечисленныя вещи въ обиліи встрѣчаются и въ петербургскихъ курганахъ, но въ бѣжецкихъ, кажется, неизвѣстно о находкахъ финскихъ подвѣсокъ. Курганы даннаго типа встрѣчены на СВ. отъ Бѣжецка до Залужья, на СЗ. до Маслова и на ЮЗ. чрезъ Тверцу до истоковъ Волги (Залучье). Кому принадлежатъ собственно—тверскіе курганы (Старицкій, Тверской и Корчевскій уѣзды), расположенные между курганами кривичскими и новгородскими? Внимательное ознакомленіе съ ними показываетъ, что они ближе къ смоленскимъ, хотя въ виду сходства смоленскихъ и новгородскихъ кургановъ разобраться въ этомъ вопросѣ предстоитъ еще будущему.

Характерныя височныя кольца, отсутствіе въ насыпяхъ теремковъ, а среди находокъ филигранныхъ бусъ, сравнительно большая высота объединяютъ курганы кривичей и новгородцевъ въ одну группу и вмѣстѣ отличаютъ ее отъ группы юго-западной. Зольныя прослойки въ насыпяхъ и отсутствіе въ основаніи вѣнцовъ изъ камней объеди-

няютъ курганы смоленскіе и иолоцкіе, тогда какъ характерныя подвѣски къ ожерелью въ смоленскихъ, предметы латышской культуры въ полоцкихъ и нѣкоторыя отличія въ височныхъ кольцахъ полагаютъ между ними различіе, не существенное, но уловимое. Новгородскіе курганы отъ кривичскихъ отличаются, повидимому, тѣмъ, что въ нихъ нерѣдко устраивался погребальный костеръ, а кругомъ основанія ихъ очень часто сооружался вѣнецъ изъ валуновъ. Петербургскіе курганы отъ прочихъ новгородскихъ отличаются сравнительнымъ обиліемъ нагрудныхъ и поясныхъ подвѣсокъ въ видѣ птицъ и другихъ животныхъ.

Приступая къ описанію курганныхъ древностей XI вѣка восточной группы древне-русскихъ племенъ, въ которую мы включаемъ сѣверянъ, радимичей и вятичей, заранѣе скажемъ, что столь органическаго единства по культурѣ отдѣльныхъ членовъ группы, какое мы наблюдали между племенами, входившими въ группы сѣверную и юго-западную, мы здѣсь не найдемъ. Это замѣчаніе особенно касается вятичей, позднѣе другихъ племенъ вошедшихъ въ обще-русскую семью.

Болѣе ранніе сѣверянскіе курганы XI вѣка изслѣдованы въ Курской и Полтавской губ., въ верховьяхъ Сулы и Псла. Костяки въ нихъ лежатъ головою на З., но нерѣдко и на В. (приблизительно въ $^1/_6$ погребеній); найдены костяки и въ сидячемъ положеніи, ногами на В. Находки: характерныя височныя кольца въ видѣ тонкой перегнутой спирали, височныя кольца малыхъ размѣровъ, кажется, съ заходящими другъ за друга концами, шейныя гривны съ характерными сгибнями на концахъ и витыя, подвѣски къ ожерелью въ видѣ кружковъ, лунницы, пластинчатые головные вѣнчики, какъ въ петербургскихъ и тверскихъ курганахъ, и пр.; спорадически попадаются филигранныя бусы. Остальные предметы представляютъ типы, общіе для всѣхъ древне-русскихъ кургановъ, а взятыя вмѣстѣ, вещи сѣверянскихъ кургановъ ближе всего напоминаютъ предметы курганныхъ насыпей юго-западной группы. Можетъ быть, къ нѣсколько болѣе позднему времени относятся курганы сѣверянъ, раскопанные въ окрестностяхъ Чернигова и Любеча. Здѣсь костяки лежатъ въ небольшихъ грунтовыхъ ямахъ, головою на З., а иногда на Ю и ЮВ; часто въ гробахъ, сбитыхъ гвоздями. Вещи немногочисленны и не характерны. Между ними особенно отмѣтимъ малыя височныя кольца, снабженныя иногда бусами, серебряными и стеклянными. Извѣстно, что окраины сѣверской земли заселялись переселенцами изъ разныхъ

другихъ областей. такъ что здѣсь можно ожидать встрѣтить курганы весьма разнообразныхъ русскихъ племенъ. Немногіе сѣверскіе курганы XI вѣка раскопаны еще близъ Переяславля.

Обрядъ погребенія у радимичей XI вѣка, повидимому, тотъ же, что и у сѣверянъ. Средняя высота ихъ кургановъ 2 аршина. Многія насыпи обведены въ основаніи канавками. Большинство костяковъ лежитъ на поверхности материка, на остаткахъ кострищъ, головою вообще на западъ, но половина мужскихъ скелетовъ положена въ обратномъ направленіи. Погребенія въ ямахъ и въ насыпяхъ рѣдки. При костякахъ очень часто находятъ остатки гробовищъ изъ досокъ, не скрѣпленныхъ металлическими гвоздями. Въ курганныхъ насыпяхъ надъ костями нерѣдко замѣчаются прослойки золы, очевидно, взятой съ кострищъ.

Среди находокъ въ радимичскихъ курганахъ XI вѣка есть одинъ типъ височныхъ колецъ, который, повидимому, принадлежитъ имъ однимъ. Это—оригинальныя семилепестныя кольца, не попадающіяся въ другихъ мѣстностяхъ даже спорадически. Другой типъ височныхъ радимичскихъ колецъ — въ видѣ спирали, въ большемъ количествѣ встрѣченъ въ сѣверянскихъ курганахъ, а третій — въ видѣ простыхъ проволочныхъ колецъ малаго размѣра съ сомкнутыми концами — составляетъ принадлежность кургановъ юго-западной группы древне-русскихъ племенъ и часто встрѣчается въ сѣверянскихъ курганахъ. Есть еще предметы, весьма характерные для радимичскихъ кургановъ—подвѣски къ ожерелью; большая часть ихъ имѣетъ видъ кружковъ, на которыхъ выбито изображеніе головы быка, розетки, крестъ изъ выпуклостей или же вырѣзано изображеніе луны. Есть подвѣски въ видѣ вытянутыхъ сѣмянъ или лоточковъ, довольно часто попадаются разнообразные кресты. Изъ шейныхъ гривенъ встрѣчены витыя и пластинчатыя съ розетками и гранчатыми головками на концахъ, а изъ обще-курганныхъ типовъ XI вѣка — нагрудныя и поясныя пряжки, браслеты, перстни. серьги съ шипами и бусами. лунницы, подвѣски въ видѣ собачекъ и ложечекъ. бубенчики и пр. Подборъ предметовъ вообще отличается большимъ изяществомъ, особенно въ шейныхъ украшеніяхъ. Составляютъ-ли эти интересныя и разнообразныя вещи предметъ производства самихъ радимичей, или же заимствуются ими откуда-нибудь, пока невозможно сказать. Не есть-ли это продуктъ особой культуры, развившейся по ту сторону Днѣпра, усвоенной всѣми тремя обитавшими тамъ древне-русскими племенами и имѣвшей центръ въ Черниговѣ и Любечѣ? Навѣрное можно ска-

зать одно, что культура эта въ Смоленскѣ центра не имѣла, такъ какъ инвентарь смоленскихъ кургановъ XI вѣка примѣтно отличается отъ находокъ въ радимичскихъ. Можно еще вполнѣ допустить, что основа этой культуры одинакова съ кіево-волынскою, но многое въ ней уже обособлено. Обрядъ погребенія радимичами усвоенъ, повидимому, въ той формѣ, какую онъ получилъ въ XI вѣкѣ у сѣверянъ. Вообще курганы радимичей безъ большаго труда отличаются отъ сосѣднихъ дреговичскихъ, какъ и отъ кривичскихъ.

Точной границы распространенія радимичскихъ кургановъ пока не можетъ быть указано. На западѣ они прослѣжены по берегу Днѣпра отъ устья р. Сожи до Обидовичей и Анелиной, далѣе оин занимаютъ все теченіе Сожи и ея притока Ипути, а какъ далеко идутъ на востокъ и югъ, еще неизвѣстно. По теченію Десны ихъ пока не найдено, но они открыты даже далеко за Десною, близъ с. Голубовки Рыльскаго уѣзда.

По свидѣтельству лѣтописи, вятичи еще въ XI вѣкѣ подвергали своихъ покойниковъ сожженію. По всей вѣроятности, это извѣстіе надо понимать такъ, что въ данное время часть вятичей еще продолжала сожигать. Гдѣ производилось сожженіе и куда помѣщался прахъ сожженныхъ, мы еще не знаемъ. Кургановъ съ остатками сожженія въ странѣ вятичей пока извѣстны лишь единицы, и къ какому времени они относятся, еще нельзя сказать. Курганы съ погребеніемъ здѣсь являются позднѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ областяхъ; большинство ихъ должно быть отнесено къ XII вѣку и только меньшая часть къ XI вѣку.

Раскопокъ въ области вятичей произведено довольно много, но точное понятіе мы имѣемъ только о послѣднихъ раскопкахъ въ Рязанскомъ краѣ, и принуждены дать характеристику кургановъ вятичей исключительно лишь на основаніи этихъ изслѣдованій, не особенно обширныхъ. Средняя высота насыпей 2 аршина, кругомъ основанія часто примѣтны канавки. Въ половинѣ насыпей найдены черепки, кости животныхъ и вещицы, быть можетъ, остатки поминокъ (?). Только одинъ костякъ лежалъ на поверхности материка, двѣ трети ихъ находились въ грунтовыхъ ямахъ, а остальные положены въ насыпи, именно въ ея нижней части; скелеты лежатъ головою всегда на З. При трети костяковъ найдена кора, въ видѣ подстилки или покрытія, встрѣчена подстилка изъ песка. Находки очень бѣдны. Самый характерный предметъ, встрѣченный лишь у вятичей — семилопастныя височныя кольца такъ называемаго московскаго типа; есть

еще предметы, свойственные также только курганамъ данной области— разнообразные пластинчатые ажурные нерстни. Изъ другихъ находокъ отмѣтимъ: плетеныя гривны съ пластинчатыми концами, бусы позднихъ типовъ, главнымъ образомъ круглыя хрустальныя и гранчатыя сердоликовыя, кресты, бубенчики, поздніе мѣдные и стекляные браслеты и пр. Конечно, остается вопросомъ, принадлежатъ-ли указанные характерные предметы только вятичамъ и не потому-ли мы не находимъ ихъ въ курганахъ, напримѣръ радимичей, что радимичскихъ курганныхъ насыпей XII вѣка не существуетъ, но во всякомъ случаѣ для вятичей характерно уже то, что въ XII вѣкѣ у нихъ еще были курганы, когда у сосѣдей они уже исчезли.

Районъ распространенія кургановъ описаннаго типа обширенъ. Они раскопаны въ границахъ, обозначающихся слѣдующею линіею: верховья р. Жиздры (Паршино), теченіе р. Угры отъ д. Городище, верховья р. Москвы у с. Крымскаго, Волынщины и др., верховья Клязьмы (Успенское, Петропавловское), Михѣево близъ устьевъ Москвы, часть Рязанскаго края между Ростиславомъ, Пронскомъ и Смедовкой, теченіе Оки до устья Угры, отсюда до Черни и отсюда мимо Лихвина снова на верховья Жиздры.

Преданія лѣтописи, а въ археологическомъ отношеніи общая любовь къ семилопастнымъ височнымъ кольцамъ, неизвѣстнымъ въ другихъ мѣстностяхъ, сближаютъ вятичей съ радимичами. Занимая обособленный районъ между сѣверянами, смоленскими кривичами и ростовцами, вятичи болѣе всего желали оставаться независимыми. Многочисленность найденныхъ въ бассейнѣ р. Оки арабскихъ монетъ показываетъ, что вятичи принимали не малое участіе въ торговлѣ Руси съ Болгарами, и въ это время они, быть можетъ, находились въ культурной подчиненности отъ Смоленска, но съ прекращеніемъ восточной торговли они, вмѣстѣ съ радимичами, скорѣе тянутъ къ своему политическому центру на Деснѣ, пока въ XIII—XIV вѣкахъ не сливаются съ Москвою.

Заканчивая этимъ описаніе древностей восточной группы древнерусскихъ племенъ, повторимъ сдѣланное выше замѣчаніе, что въ XI вѣкѣ на востокъ отъ Днѣпра, видимо, начинаетъ организоваться политическій союзъ трехъ древне-русскихъ племенъ, въ которомъ уже проявляются и самостоятельныя культурныя теченія, но что объ этнографическомъ единствѣ этихъ племенъ пока нельзя сказать ничего опредѣленнаго.

Лѣтопись не говоритъ о существованіи особаго русскаго племени

ростовскаго. Да его и не было. Была лишь Муромо-Ростовская область со смѣшаннымъ русскимъ населеніемъ, своего рода сибирская украйна. Вѣроятно, ядро этого населенія составлено какимъ-нибудь однимъ русскимъ племенемъ, но въ разное время сюда открывался широкій доступъ и различнымъ другимъ племенамъ. Новгородцы, кривичи, вятичи, даже сѣверяне, пожалуй, и дреговичи—всѣ кандидаты на роль колонизаторовъ Ростовской земли, и, быть можетъ, всѣ имѣли долю въ ея заселеніи. Наконецъ, само мѣстное финское населеніе края могло слиться съ тѣмъ или другимъ колонизаціоннымъ потокомъ и принять цѣликомъ ту культуру и обряды, которые онъ несъ съ собою.

Если это такъ, то содержаніе кургановъ Ростовско-Муромской области XI вѣка должно быть до нѣкоторой степени пестрымъ, и основные элементы его могутъ быть выдѣлены лишь при наличности большаго и точнаго матеріала. Къ сожалѣнію, несмотря на большія изслѣдованія, произведенныя въ ростовскихъ курганахъ, болѣе или менѣе ясное понятіе о нихъ мы получаемъ лишь изъ отчетовъ о раскопкахъ по окраинамъ Ростовской земли—по теченію р. Сити, на Углицкомъ полѣ и въ окрестностяхъ Костромы, да и то изслѣдованные здѣсь курганы относятся лишь къ концу XI и къ XII вѣку. Устройство кургановъ въ указанныхъ трехъ мѣстностяхъ имѣетъ общія черты. Насыпи не высоки, часто имѣютъ въ основаніи канавки или вѣнцы изъ камней, а въ разрѣзѣ ихъ нерѣдко видны зольныя прослойки. Костяки иногда лежатъ на слоѣ золы, головою преимущественно на западъ, но также на сѣверъ, югъ и востокъ. Въ курганахъ московской окраины костяки положены большею частью въ грунтовыхъ ямахъ. Встрѣчается сидячее положеніе скелетовъ. Большинство височныхъ колецъ, находимыхъ въ ростовскихъ курганахъ, представляетъ собою малыя проволочныя кольца съ сомкнутыми концами, но нерѣдко встрѣчаются также кольца средней величины и большія, всѣ петербургскаго типа, то-есть не съ завязанными, а свободными, сомкнутыми концами. Изъ вещей обще-курганныхъ типовъ XI вѣка, здѣсь встрѣчены: многочисленныя трехшипныя серьги, бусы, преимущественно золоченыя, крестики, лунницы, изрѣдка подвѣски къ ожерелью смоленскихъ типовъ, нагрудныя и поясныя пряжки, пластинчатые и витые браслеты, бубенчики, перстни витые и пластинчатые съ спиралями по краю и пр. Кромѣ того, въ общій сортиментъ вещей русскаго происхожденія входитъ рядъ предметовъ, по всей вѣроятности, финской индустріи: треугольныя проволочныя подвѣски

къ височнымъ кольцамъ (они есть и въ петербургскихъ курганахъ, но въ видѣ сплошныхъ пластинокъ), плетеныя подвѣски въ видѣ коньковъ и различныя шумящія бляшки и фигуры чудскихъ типовъ. Рисунки всѣхъ этихъ предметовъ въ атласѣ находокъ изъ ростовскихъ кургановъ производятъ импонирующее впечатлѣніе и внушаютъ преувеличенное понятіе о значеніи въ нихъ инородческаго элемента,— но на самомъ дѣлѣ примѣсь чудскихъ вещей къ русскимъ здѣсь очень незначительна. если не сказать, что она ничтожна. Наиболѣе примѣсь эта сказывается въ костромскихъ курганахъ. какъ въ новгородской области въ петербургскихъ. Въ костромскихъ курганахъ встрѣчено не мало височныхъ колецъ смоленскаго тиuа съ ромбическими щитками; довольно много найдено здѣсь крестиковъ и образковъ. То, что извѣстно о давнихъ раскопкахъ, произведенныхъ въ центрѣ Ростовской земли, между Ростовомъ, Суздалемъ и Владиміромъ, не противорѣчитъ данному выше оиисанію ростовскихъ кургановъ и ничѣмъ его не дополняетъ.

На сѣверо-западѣ курганы описаннаго типа изслѣдованы по Сити и Медвѣдицѣ, откуда линія ихъ идетъ на Переяславль, отсюда на верховья Клязьмы, далѣе по Клязьмѣ выше Владиміра, оттуда къ Ивано-Вознесенску, далѣе по сѣвернымъ границамъ Костромскаго уѣзда мимо древняго Ширенскаго лѣса на Сить. Отдѣльный островъ съ курганами ростовскаго типа найденъ на р. Судѣ, притокѣ Шексны (д. Зворыкина, Варнакушка).

Всѣ наличныя данныя склоняютъ насъ къ мысли, что ядро населенія Ростовской области составили новгородцы и кривичи. Это очень естественно, такъ какъ для тѣхъ и другихъ эта земля была на пути ихъ торговыхъ интересовъ. Обложеніе кургановъ камнями есть обычай преимущественно новгородскій, зольныя прослойки въ насыпяхъ идутъ отъ кривичей, составъ вещей ростовскихъ кургановъ одинаковъ съ находками кургановъ всего русскаго сѣвера. Кривичи, или же новгородцы болѣе усердно заселяли край, это можно будетъ сказать лишь тогда, когда будутъ различены древности тѣхъ и другихъ, однако чувствуется, что роль кривичей (двигавшихся черезъ Ржевъ) здѣсь значительнѣе. Вятичи не имѣли интересовъ въ Ростовской области; ихъ характерныя височныя кольца здѣсь, можно сказать, совершенно отсутствуютъ. Слѣдовъ движенія на Оку чрезъ верховья Дона сѣверянъ мы пока не находимъ. Приписывать ростовскіе курганы мѣстнымъ инородцамъ, мери, нѣтъ никакого основанія: и обрядъ погребенія, и вещи здѣсь чисто-русскія. Быстрое и полное превра-

щеніе мери въ русское племя прямо невозможно, даже если допустить ея поголовное крещеніе, на что очень не легко согласиться, имѣя въ виду, что шаманизмъ и до сихъ поръ вполнѣ удовлетворяетъ религіознымъ потребностямъ отдѣльныхъ финскихъ народностей. Окрестности Костромы и Нерехты сплошь заняты группами кургановъ ростовскаго типа XI и XII вѣка: какъ допустить, что въ это время данная мѣстность занята была не русскимъ населеніемъ? Если ростовскіе курганы есть курганы мери, то гдѣ-же курганы русскаго населенія края? Естественнѣе думать, что финское населеніе Ростовской области постепенно покидало ее, оставивъ здѣсь слѣдами своего пребыванія не курганы, а могильники. Правда, они еще не найдены, но, по всей вѣроятности, не потому, чтобъ ихъ не было: мы только недавно узнали, что могильники существуютъ въ Пермскомъ краѣ и что весьма интересныя древнія кладбища имѣются въ Нижегородской губ. Примѣръ Муромской области, гдѣ найдены относящіеся приблизительно къ одному времени и русскіе курганы, и финскіе могильники, весьма поучителенъ.

Муромскіе курганы, относящіеся, надо думать, къ X и началу XI вѣка. имѣютъ устройство одинаковое съ ростовскими. Высота ихъ отъ 2-хъ до 5 аршинъ, кругомъ основанія иногда канавки, въ насыпяхъ замѣчаются прослойки угля. Костяки лежатъ головою обыкновенно на западъ, но иногда и на югъ, изрѣдка на подстилкѣ и въ гробовищахъ. По недостаточности изслѣдованій, вещей найдено пока немного. Височныя кольца малыхъ размѣровъ; другія вещи принадлежатъ къ типамъ обще-курганнымъ. Содержаніе муромскихъ кургановъ рѣзко отличается отъ находокъ въ одновременныхъ мѣстныхъ могильникахъ, напримѣръ въ Максимовскомъ.—Интересно. что въ нѣкоторыхъ рязанскихъ курганахъ (д. Рубцова близъ Старой Рязани) найдены височныя кольца типа муромо-ростовскаго. небольшія, вмѣсто ожидаемыхъ семилопастныхъ. Это курганы или вятичей, но нѣсколько болѣе ранняго времени, или же какой-нибудь другой русской народности.

Въ бассейнѣ Буга кургановъ XI вѣка неизвѣстно, но къ этому времени относятся расположенныя здѣсь въ значительномъ количествѣ каменныя могилы, то-есть грунтовыя ямы. обставленныя сверху кругомъ камней. Всѣ находки изъ этихъ могилъ должны быть признаны безусловно славянскими и представляютъ типы ближайшихъ дреговичскихъ и волынскихъ кургановъ, отъ которыхъ ихъ рѣзко отличаютъ лишь височныя кольца. Въ каменныхъ надбужскихъ моги-

лахъ височныя кольца малаго размѣра, сработаны изъ толстой проволоки и всѣ имѣютъ эсовидный завитокъ. Нигдѣ этого типа колецъ въ русскихъ древностяхъ другихъ мѣстностей нѣтъ. Кому принадлежатъ надбужскія могилы, пока нельзя сказать: для этого необходимо прослѣдить районъ ихъ распространенія. Древнѣйшія каменныя могилы мы находимъ въ Галиціи; есть онѣ также въ Польшѣ, тоже, повидимому, болѣе раннія, чѣмъ на Бугѣ. Наибольшее количество каменныхъ могилъ XI вѣка изслѣдовано въ мѣстности между Бугомъ и Наревомъ; извѣстны онѣ также между Бугомъ и Вислой (Чеканова, Гремблково), противъ Бреста (Костомлоты), по притоку Нарева Бобру, а отсюда онѣ, кажется, заходятъ даже на Нѣманъ, сѣвернѣе Гродна (Омнишево, Юстиново и пр.). Не есть-ли это памятники древности Черной Руси, къ XIII—XIV вѣкамъ стянувшейся на верховья Нѣмана, гдѣ она исполнила такую большую роль въ исторіи возникновенія литовскаго государства? Это предположеніе подкрѣпляется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ верховьяхъ Нѣмана расположено много аналогическихъ по устройству могильниковъ, но уже XIII—XIV вѣковъ.

Есть еще одна область съ древне-русскимъ населеніемъ, которую нельзя обойдти молчаніемъ и археологу—Тмутаракань. Несомнѣнныхъ слѣдовъ пребыванія здѣсь русскихъ пока не найдено, однако вещи курганныхъ типовъ XI вѣка уже открыты. Въ 1870 г. близъ Тамани около Лысой горы обнаружено было 9 каменныхъ гробницъ, въ которыхъ лежали костяки головою на западъ. При нихъ были найдены мѣдныя и золотыя височныя кольца съ слегка заходящими другъ за друга концами, малаго размѣра, какія попадаются въ кіевскихъ кладахъ XI—XII вѣковъ, два креста (серебряный и деревянный) и 2 мѣдные бубенчика. Перечисленныхъ находокъ недостаточно, чтобы можно было признать ихъ русское происхожденіе, однако ихъ слѣдуетъ имѣть въ виду.

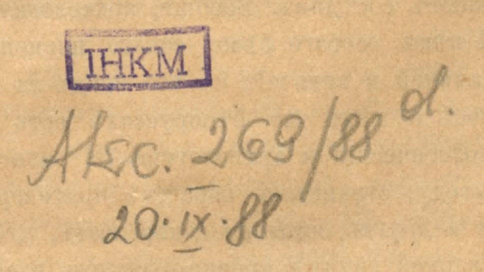
Подводя общіе итоги изложенному, прежде всего усматриваемъ, что на одинъ изъ вопросовъ, поставленныхъ цѣлью нашихъ разысканій, археологія уже теперь даетъ опредѣленный отвѣтъ: всѣ показанія лѣтописи о разселеніи древне-русскихъ племенъ вполнѣ совпадаютъ съ археологическими наблюденіями. Въ собственно русскихъ древностяхъ (главнымъ образомъ XI вѣка) намѣчается столько-же археологическихъ типовъ и районовъ, сколько лѣтопись перечисляетъ древне-русскихъ племенъ. Географическое положеніе этихъ районовъ соотвѣтствуетъ указаніямъ лѣтописи о мѣстахъ разселенія племенъ

каждаго въ отдѣльности. Такъ какъ древности отдѣльныхъ районовъ вполнѣ ощутимо отличаются другъ отъ друга, то внѣ сомнѣнія, что дальнѣйшее расширеніе изслѣдованій соотвѣтственныхъ кургановъ дастъ вполнѣ точную карту разселенія древне-русскихъ племенъ времени начальной лѣтописи. Только одна археологія и въ силахъ исполнить эту задачу. Менѣе значительна роль ея въ обсужденіи другой изъ поставленныхъ нами темъ—о соединеніи древне-русскихъ племенъ въ этнографическія группы. Мы нашли, что на основаніи археологическихъ данныхъ племена эти могутъ быть соединены въ три группы, и опредѣлили составъ каждой изъ нихъ, но—культурное единство не есть единство племенное. Въ этомъ случаѣ археологическія разысканія раздѣляютъ одну судьбу съ усиліями филологіи, которая еще прежде сдѣлала попытку отвѣтить на тотъ же вопросъ, но, на нашъ взглядъ, съ тѣмъ же нерѣшительнымъ результатомъ,—такъ какъ единство по языку еще не есть единство по крови. При всѣхъ оговоркахъ, позиція, занятая археологіею въ данномъ вопросѣ, не можетъ не имѣть значенія, тѣмъ болѣе, что группировка древне-русскихъ племенъ, представленная разысканіями филологическими [1]), не совпадаетъ съ группировкою на основаніи данныхъ археологическихъ. У насъ въ первую группу входятъ волыняне, древляне, поляне и дреговичи, во вторую кривичи съ новгородцами и ростовцами, въ третью радимичи и вятичи подъ главенствомъ сѣверянъ. По схемѣ академика Шахматова, первую группу (малоруссы) составляютъ волыняне, тиверцы, древляне, поляне и сѣверяне, вторую (бѣлоруссы) дреговичи, радимичи и вятичи, третью (великоруссы) кривичи и новгородцы. По культурнымъ даннымъ XI вѣка, радимичи и вятичи обособлены отъ дреговичей; сами дреговичи далеко не составляютъ какого-либо культурнаго центра и цѣликомъ примыкаютъ къ своимъ южнымъ сосѣдямъ. Вообще, археологическія изысканія не видятъ въ XI вѣкѣ особаго бѣлорусскаго племени, если не считать таковымъ радимичей и вятичей, на что врядъ-ли мы имѣемъ основанія. Въ вопросѣ о тѣхъ же бѣлоруссахъ есть одинъ пунктъ, въ которомъ филологическія и археологическія разысканія сошлись, но пришли къ выводу, страннымъ образомъ противорѣчащему дѣйствительности. Тѣ и другія согласно заключаютъ, что кривичи принадлежатъ къ сѣверной группѣ древне-русскихъ племенъ, то-есть вели-

---

[1]) *Шахматовъ*, Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскихъ народностей. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1899, IV.

корусcамъ, между тѣмъ какъ всѣ тѣ мѣстности, гдѣ археологическими раскопками обнаружено распространенiе кривичскихъ (полоцкихъ и смоленскихъ) кургановъ въ XI вѣкѣ, въ настоящее время заселены не великоруссами, а бѣлоруссами. Въ массовое передвиженiе племенъ мы не рѣшаемся вѣрить, а полное перерожденiе одного племени въ другое, въ продолженiе 6—7 вѣковъ, хотя бы русскаго въ русское, маловѣроятно. Выхода изъ этой дилеммы мы не видимъ.

№ – Кіевъ, 10/IV 1899 г.

Счетъ

Г.ну Хойновскому
здѣсь

отъ **В. Кристера,**

САДОВОДСТВО и СѢМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ.

Магазинъ: Институтская, д. бывш. Бродской.

Тип. С. В. Кульженко

	Руб.	Коп.
Отправлено Вамъ чр. магаз.		
1 шт. Розъ штамбовыхъ:		
№№ 27, 31, 50, 59, 72 и 98 по 1 р.	6	–
2 " Персика шпалер. " 2 р.	4	–
Итого	10	–
Подлежитъ уплатѣ		
Остальные №№ 180 и 103.		
къ сожалѣнію распроданы.		